

18+

Алексей Макаров

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ХОРОШЕГО МАЛЬЧИКА

Алексей Макаров

Приключения хорошего мальчика

«Издательские решения»

Макаров А.

Приключения хорошего мальчика / А. Макаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689100-5

Предлагаемая книга содержит рассказы о непоседливом мальчишке Лёньке, с которым то и дело происходят невероятные приключения. Из-за своей любознательности он постоянно попадает в различные переплёты и только родители, а особенно мама, понимают его и ограждают от неприятностей. Воспитание, проводимое родителями, идёт Лёньку на пользу, и он постепенно превращается в целеустремлённого юношу. Часть рассказов взяты из ранее опубликованных книг «Детство» и «Юность».

ISBN 978-5-00-689100-5

© Макаров А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Мамины руки	7
«Победа»	12
Первый день	19
Пылесос	22
Покурили	28
Вой волка	33
Поджигатели	40
Картошка	43
Поболел	51
Кислота	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Приключения хорошего мальчика

Алексей Макаров

*Посвящается матерям, вырастивших
и воспитавших достойных мужчин*

© Алексей Макаров, 2025

ISBN 978-5-0068-9100-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В этой книге я собрал рассказы о непоседливом и любознательном мальчишке, написанные мною за долгие годы. Часть из них есть в книгах «Детство» и «Юность», но жизнь не стоит на месте, память многое восстанавливает, поэтому и появляются продолжения предыдущих историй.

Пусть читатели не подумают, что это рассказы об одном мальчишке. Нет. Это истории, рассказанные моими друзьями и знакомыми о себе, но силой моего воображения, воплощённые и переданные от лица Лёньки. Конечно, здесь есть и то, что по воле случая случилось со мной. В этих рассказах мне захотелось рассказать об обычных советских мальчишках, об их чаяниях и переживаниях и тех проблемах, волновавших ребят в те далёкие годы развитого социализма.

Многие эти годы ругают, обличают, но мне они запомнились именно такими. Счастливыми и безоблачными годами моего детства со своими преимуществами и недостатками. И проходили они так только из-за того, что их для нас такими сделали наши родители. Особенно матери. Они и пестовали нас, обучая первым шагам в жизни и пороли от бессилия, чтобы как-нибудь утихомирить энергию, бьющую из нас гейзером.

И если мы остались после всех произошедших инцидентов живы и здоровы и дожили до сегодняшних дней, то это только благодаря им – нашим, любящих нас, матерям.

Поэтому в каждом рассказе есть сцены с выражением любви матери к своему непоседливому, но очень любимому сыну.

С уважением ко всем своим читателям.

Алексей Макаров

Мамины руки

Озорной лучик пробрался в комнату, где спали мальчишки и начал баловаться. Он сначала поиграл Лёнькиными волосами, пощекотал ухо и перебрался на лицо. От его приставаний Лёнька ещё мог скрыться, но от голоса тёти Тамары, скрыться невозможно.

– Мальчишки, вставайте! Смотрите, какое замечательное утро! Быстро умывайтесь и за стол, – донёлся до Лёньки её звонкий голос.

Но, не тут-то было. Лёнька с Таймуразом сразу же глубже залезли под одеяло. Им так не хотелось покидать тепло постели. Но разве от тёти Тамары скроешься?

Одеяло откинута и тёплые, нежные руки то щекотят, то осторожно массируют спинки мальчишек.

Утро наступило. Надо вставать. И с визгом наперегонки мальчишки бросились к умывальнику. Повизгивая от холодных струек воды, они смеялись и в этой игре успевали чистить зубы, мыть лицо и от души хохотать.

Фатима, проходя мимо, презрительно посмотрела на них. Малыши ещё, что с них взять. Она уже давно встала, помогла матери с завтраком и прибраться по дому.

Долина постепенно прогревалась от вышедшего из-за высоких хребтов солнца. Оно радостно прорывалось во все укромные уголки скал и гнало прочь прохладу ночи. Альпийские луга начали прогреваться и лёгкий утренний ветерок волновал их море разноцветных трав. Тепло постепенно приближалось к аулу. Оно прогнало туман из расщелин, а листья кустарников и деревьев от него скинули утреннюю росу. Всё радовалось наступлению нового дня.

Один дед Ибрагим невозмутимо сидел на крыльце дома и курил, спокойно глядя на плещущихся мальчишек. Он уже оделся в старый бешмет, подпоясанный тонким ремешком с серебряными узорами. Дед выглядел таким старым, что Лёнька думал, что старше его есть только горы. Они белели вдали от аула ледниками и чернели загадочными перевалами. Об их жизни напоминал, рокочущий внизу Зарамаг.

Дед Ибрагим смотрел на мальчишек из-под огромной папахи маленькими, подслеповатыми глазами и мальчишки не понимали одобряет он их возню или наоборот, осуждает. Ведь они, хотя и маленькие, но всё же мужчины. Но, если бы он не одобрял, то лежащий у его ног Джульбарс, огромная кавказская овчарка, дал бы об этом знать. Он бы зарычал или подошёл разнять мальчиков. Но он лежал, высунув язык и, как и дед Ибрагим, так же невозмутимо смотрел на их утреннее баловство.

А вода только вселяла озорство в мальчишек. Они уже забыли, что им надо умываться и у них началась никогда не заканчивающаяся игра. Но тётя Тома всё знает и видит. Она вышла из дома и прервала это баловство.

– Мальчики, пора за стол, – громко позвала она расшалившихся ребят. – Быстро одеваться. Солнце уже вон, где, – тётя Тамара показала рукой на поднявшееся из-за вершин хребтов светило и добавила: – А вы ещё не поели. Отара уже ждалась вас, – напомнила она про обязанности озорников.

Мальчишкам пришлось прекратить баловство, вернуться в дом и сесть за стол.

Ароматный хлеб с подсоленной брынзой ненадолго прекратили их игру. Уже допивая ещё тёплое козье молоко, они её продолжили. Сейчас ещё можно поиграть и повеселиться, а днём, в горах, надо быть осторожным и осмотрительным. За овцами всегда нужен особый пригляд. В чём им всегда помогал огромный козёл Казбек.

Голова Казбека всегда откинута назад. Нелегко ему носить такие большущие рога. Но это он с виду такой грозный, а Лёньку он очень любит и за окурки от папирос, что захочешь, то и сделает, и куда захочешь, туда и пойдёт.

Сегодня Лёнька хозяин Казбека. Он вчера собрал десять окурков и теперь сядет первым на спине Казбека, вцепившись в его рога. Он будет направлять эту громадину, куда захочет. Таймураз сегодня сядет сзади. Но он на это не обижается. Когда он соберёт окурки, то тогда тоже покормит Казбека и тот признает его за хозяина, как сегодня, Лёньку.

Овцы сгрудились в углу двора. Тётя Тома с Фатимой выгоняли их из сарая. Им в этом помогал Джульбарс.

Лёнька с Таймуразом первыми вышли со двора. У каждого за спиной в котомке находился сегодняшний обед. Тётя Тома всегда заботится о них. Они же уходят на целый день, ведь они идут в горы. В котомках есть всё. И поесть и попить и даже чем накрыться, если пойдёт дождь. Но сегодня светит солнце, сегодня нет ветра и так хорошо и уютно сидеть на спине Казбека.

Лёнька даёт ему окурков и тот его долго и смачно жуёт. Казбек за окурки всё отдаст. Сейчас, прикрыв глаза, Казбек пережует табак и пойдёт. Он не любит что-либо делать быстро. Он любит всё делать важно. И поэтому его уважают и слушаются все овцы. Вот и сейчас, они сгрудились за ним и ждут, когда же Казбек пойдёт. Но вот он тронулся и овцы, блея, последовали за ним.

Джульбарс забегает вперёд и проверяет, нет ли какой опасности впереди, а то он всё время крутится кругами вокруг стада. С ним не страшно. Волков и чужих собак он раздерёт, а чужих людей не подпустит.

Лёнька сегодня сам выбирает путь на пастбище. Его руки лежат на огромных рогах Казбека, и он слушается любого приказа своего хозяина.

Сначала надо спуститься к источнику. Какая же вкусная в нём вода! Она бьёт в нос, заставляет жмуриться и выбивает слезу. Мальчишки пьют её и смеются, видя, как очередная слезинка бежит из глаз. Хотя ты совсем не плачешь, а в носу всё равно щиплет до слёз. Надо наполнить бурдюк водой на целый день.

Овцы не хотят уходить из низины. Они чувствуют, что их погонят всё вверх и вверх, а им этого не хочется, ведь трава и здесь есть. Но Лёнька делает то, что велел дед Ибрагим. Тот знает, где самые лучшие пастбища. Он однажды показывал их Лёньке.

А теперь надо перейти через мост и двигаться вверх по тропе.

Овцы идут за Казбеком гурьбой. Они идут и едят траву. За ними остаётся примятая дорога. Казбек впереди. Мальчишки то слезают с него, то вновь сидят у него на спине. Трава такая густая и высокая, что иногда она даже выше головы. Вот в ней и может оказаться змея, но мальчишки шумят, раздвигая палками траву. Они знают, как бороться с этими страшными чудовищами.

Всё выше и выше. Иногда к ним подбежит Джульбарс, посмотрит в глаза, как бы спрашивая, скоро ли привал, но Лёнька знает, когда надо делать его и Джульбарс убегает.

Вот и она, поляна Растерях.

Здесь, как ни проверяй, обязательно обнаружиться, что что-то ты всё равно забыл дома.

Сегодня надо остановиться здесь. Тут и трава вкуснее и ручеек есть. Отсюда, как на ладони, виден аул со всеми домами и окружающими их деревьями.

Весной красивее. Груши и яблони цветут. Аул весь бело-розовый. А сейчас дома прикрыты зеленью, и на плоских крышах кое-где видны люди. Наверное, это хозяйничают женщины.

Дорога вьётся от аула вдаль то, пропадая, то, появляясь вновь. Она уходит в горы к Мамисонскому перевалу, где сурово стоят острые, заснеженные пики скал, а из долины, в другую сторону, она идёт в город. Там когда-то и жил Лёнька, но папа с мамой уехали в далёкую Африку и оставили его у тёти Тома.

Лёнька каждый день смотрит на эту дорогу. Он каждый день мечтает, что вон в той машине едет за ним его мама. И хотя, он уже большой мужчина, ему уже шесть лет, но ему так хочется к маме... А иногда ночью, когда она ему снится, он невольно плачет. Тогда тётя Тома берёт его к себе и, успокаивая, поёт нежные песни. Её тёплые руки приносят тепло и уют, но это не мамы руки. Они у неё лучше, но Лёнька всё равно сладко засыпает от тепла и ласки тети Тома.

Только утром он прячет глаза от Таймураза. Не хочется ему выглядеть плакшой и нытиком. Ему хочется только одного, чтобы к нему приехала его мама. Ведь он так по ней скучает...

Вот и сейчас какая-то машина катит к аулу. Они наперебой с Таймуразом начинают мечтать, у кого сегодня будет пир. К кому они пойдут в гости, где съедят по куску ароматного фытчина, выпьют по чашке горячего бульона и убегут с громадным куском мяса.

Да. Вечером будет пир. А сейчас надо смотреть за отарой. Джульбарс хоть и верный друг, но они тоже не зря здесь. С высокой скалы просматривается вся поляна, видны все овцы. Казбек их водит, и они спокойно щиплют траву.

Солнце уже стоит над головой. Звенит полуденный зной. Пора бы и перекусить. Джульбарс это уже понял и сидит рядом, как бы спрашивая, а что там вкусненького сегодня положила тётя Тома?

Да, сегодня они с голоду не умрут и Джульбарсу не позволят. Он с этим полностью согласен, виляя пушистым хвостом и преданно заглядывая в глаза мальчишкам.

Всё! Обед окончен. Остатки его отложены на ужин. А сейчас надо попить, спрятаться от солнца и овец с него убрать.

Но кто-то там идёт по тропе вверх. Он что-то машет руками, стараясь привлечь их внимание. Постепенно приближаясь, фигура превращается в Фатиму. Она что-то яростно жестикулирует руками. Но они же мужчины. Что они будут суетиться при виде женщины? Надо соблюдать спокойствие, хотя любопытство мальчишек разбирает. Фатима почти никогда к ним не приходит. У неё свои дела. Но, если что важное, то её посылают за мальчишками. Что же случилось? Плохое или хорошее? Связанно ли это с приехавшей машиной? Или нет...

Но вот уже различим голос Фатимы.

– Лёнька! Лёня! – кричит она и машет руками.

А Лёнька не выдерживает и срывается к ней. Фатима запыхавшаяся, покрасневшая, едва переводя дыхание, выпаливает на одном выдохе.

– К тебе мама приехала!

Как? Неужели в той машине, которую они сегодня видели на дороге, ехала его мама? И он этого не почувствовал! Как же так? Она уже так долго там в ауле, а он здесь в горах, на этой поляне Растерях с овцами.

– Беги! Ну что же ты стоишь? Ведь она же ждёт тебя! – чуть ли не кричит Фатима.

Да, правда! Что это он тут застыл? И он понёсся вниз, к аулу, к тому, кто его так сильно ждал. К тому, кто так долго к нему ехал. К своей мамочке. К своей любимой мамочке.

Он нёсся вниз, раздвигая траву, где прятались такие страшные чудовища, но не страшны они ему сейчас. Ведь он бежит к маме.

Спотыкаясь о кочки и ветки, падая и вставая, он не чувствовал боли. Он бежал только с одной мыслью, которая гнала его вниз.

– Мама, мамочка, ты меня не забыла, ты меня не бросила, ты вернулась за мной. Значит, вот так я тебе сильно нужен. Ты бросила свою Африку и вернулась за мной, – неслись мысли в его голове.

Маленький человечек бежал, маленький человечек спешил. Ничто не могло его остановить. Ни удары по лицу острых веток и травы, ни опасность от этих ненавистных змей, ни ударенная коленка. Ничего! Его маленькие ножки несли его к маме.

Но вот и мост, а там, через несколько домов он увидит своё долгое ожидание. Он увидит то, что ему так много раз снилось. Он увидит свою маму. Пот застилает глаза, дыхание сбивается, но он не хочет останавливаться и передохнуть. Он бежит, и он будет всегда бежать туда, где есть его мама. А вот и она!

Она стоит в воротах, раскинув свои нежные руки. И вот он в них.

О! Эти руки! Они прижимают маленького, взъерошенного, с ободраным лбом человечка. Губы покрывают его поцелуями. А он... Ничего ему больше не надо. Он уткнулся в гриву маминых волос и, стараясь скрыть слёзы радости, всё крепче и крепче прижимается к ней, к своей маме. Такой вкусной и тёплой. Он вдыхает аромат её шикарных распущенных волос и, обняв ручонками за шею, старается вытереть ими глаза от бегущих слёз и заглянуть в это, так много раз вспоминаемое во сне лицо.

Он так и не слез с маминых рук. Ему не нужны эти фытчины, бульоны и мясо. Ему нужно только мамино тепло и её ласковые слова, как полуденный ветер, щекотавший уши:

– Лёнечка, мой любимый сыночек.

Он так и остался на её руках, пока, уже крепко спящего, его не отнесли в постель. Но его ручки так и не разжались и не отпускали мамину шею. Он словно хотел впитать её всю в себя.

Сегодняшнее утро казалось Лёнке необыкновенным! Солнце светило по-особому. Небо выглядело необычайно голубым. Даже суровые горы смотрелись ласковее. Конечно, все они понимали, что для Лёнки сегодня счастливейший день в жизни. Ведь к нему приехала его мама! Она всё бросила и приехала. Она его заберёт из аула, и он осенью пойдёт в школу.

Сегодня он встал быстрее солнечного лучика. Пусть он играет с Таймуразом, а Лёнке надо умыться и побыстрее прибежать к своей маме.

Как много хочется ей рассказать о своей жизни без неё. Как он скучал, как ему было плохо одному без неё и как он плакал. Он покажет ей свои секретные места за оградой аула, он поведёт её далеко-далеко в луга. Он ей всё покажет и ни на шаг от себя никогда больше не отпустит.

Он выскочил во двор на солнце, сразу радостно улыбнувшееся ему.

Он думал, что он сегодня первый встал, а, выйдя во двор, увидел, что там уже тётя Тома с мамой о чём-то говорили. Увидев растрёпанного после сна Лёнку, они встретили его улыбками и радостными словами.

– О, наш главный мужчинка уже проснулся. Иди быстрее ко мне, моё солнышко, – нежным голосом позвала его мама, протягивая к нему такие красивые и нежные руки.

И вновь он у неё в объятьях. И вновь ему замечательно и хорошо от маминого тепла, от её голоса, от вкусного запаха её волос. Он с мамой! Он на всё готов ради своей мамы. Только бы она опять не оставила его одного.

– А ты пойдёшь со мной в луга? А ты хочешь, я тебе покажу свои секреты? А ты знаешь, какая вкусная вода в роднике? От неё в носу щиплет, – засыпал он её вопросами.

А она в ответ только улыбалась и на каждый его вопрос, утвердительно кивая, целовала в розовые щёчки и гладила мягкой ладонью непокорные русые вихры.

– Радость ты моя, конечно, я с тобой куда захочешь пойду, и что хочешь сделаю... – только и успевала отвечать она. – Но ты сначала умойся. Мы поедем, я схожу к соседям, а потом обязательно пойдём в твои места. Можем и Казбека с собой взять и Джульбарса тоже. Сегодня всё можно, – мама ласково смотрела на льнувшего к ней сыночка.

Как долги эти сборы. Лёнька терпеть их не мог. А сегодня – особенно. Ведь всем нужна его мама. Все хотят с ней поговорить. Они забыли, что ли, что она только к нему приехала? Она за ним приехала и только поэтому она здесь. Он не отходил от мамы ни на шаг. Задрав голову, он только и смотрел в её лицо. Он впитывал все её слова и каждый перелив её голоса. Он ловил каждый её жест и взгляд. Он ничего не хотел пропустить. Он так соскучился по своей маме.

Ну вот, дела закончены, и они вдвоём идут за ограду аула. Мама несёт сумку. Там лежит что-то очень вкусное, что она специально приготовила для своего любимого Лёньки. А он, не переставая говорить, всё рассказывает ей о своей жизни. О мелких обидах, о больших радостях, о своей тоске по ней. Обо всём обо всём, что случилось тогда, когда её, мамы, не было рядом с ним.

Он привёл маму на самый красивый полный цветов луг с небольшим журчащим ручейком.

Его кристально-чистые струи неслись вдоль больших камней, сверкая в лучах радостного солнца.

Голубое мамино платье с ромашковыми цветами казалось Лёньке продолжением этой природной красоты. Мама уютно устроилась на разостланном коврике и, раскладывая снедь, давала попробовать Лёньке то одно, то другое. Она озорно рассмеялась, когда он испачкал вареньем щёку.

Лёнька на это не обижался, а только в ответ весело хохотал. Он только подставил щёку, чтобы мама поцелует отмыла его от этого липучего варенья.

А мама с любовью смотрела на него, отвечала на все его вопросы и рассказывала о далёкой Африке. А он ловил её слова и каждое её дыхание. Он вновь и вновь показывал, что он умеет и знает. А она, то смеялась, то серьёзно смотрела на него огромными красивыми карими глазами. Как же он хорошо чувствовал себя от её присутствия, от её понимания, от её ласковых и нежных рук.

И тут он не выдержал, сорвался и побежал по ковру цветов огромной поляны. Он бежал, вскинув голову к бездонному синему небу и из него вырвался крик счастья:

– А – а – а – ма – ма – а – а...

Ромашки и колокольчики били его по лицу и голове, а он бежал навстречу солнцу в этом пахучем разнотравье, широко раскинув руки и не мог не кричать и не восторгаться счастьем, обрушившимся сегодня на него...

Тихий океан. Апрель 1999.

Ватерфорд 2001

«Победа»

Утро. Лёнька проснулся от необычного гула.

Он привык, что у них в посёлке всё время слышен звук несущихся вод бурного Ардона. Но этот звук совсем не походил на него. Лёньке казалось, что этот монотонный гул несётся ото всюду и он никак не мог понять откуда именно.

Спать он больше не мог, поэтому перевернулся на спину и смотрел на низкий потолок, с весёлыми бегающими «зайчиками» по нему. Такие «зайчики» он сам любил пускать, когда ловил солнышко маленьким зеркалом и гонял их по веранде детского сада. А иногда он так игрался с Котофеем. Тот хоть и ленивый кот, но, когда видел подобные «зайчики» то забывал про лень и бегал за ними, как маленький котёнок.

Лёнька оглядел комнату, в которой его вчера уложила спать мама и сразу всё вспомнил.

* * *

Два дня назад они всей семьёй сели в ГАЗИК у них в посёлке, и дядя Лаврик повёз их в далёкий город Батуми. Где этот город находится, Лёнька не знал, но ехали они до него очень долго.

Лёнька даже успел несколько раз поспать, а когда они остановились на дороге, чтобы перекусить, то он расшалился и выбежал на дорогу. Ему так надоело сидеть в этом ГАЗИКЕ, что очень хотелось побегать.

Дорога просматривалась далеко, что влево, что вправо. Вот он и выбежал на неё, когда увидел, что на ней нет машин. Но тут откуда ни возьмись появилась большая легковая машина и она неотвратно с огромной скоростью надвигалась на него. От неожиданности Лёнька застыл и молча смотрел на несущийся на него автомобиль.

Папа с мамой чего-то закричали, а дядя Лаврик выскочил на дорогу и выхватил Лёньку чуть ли не из-под колёс этой машины.

Она с ужасным скрипом колёс затормозила и из неё выскочили какие-то дядьки.

Они все кинулись к дяде Лаврику и всё спрашивали, а цел ли ребёнок.

А когда убедились, что Лёнька цел и невредим, то начали обнимать его и извиняться перед папой и дядей Лавриком. Они всё ругали своего водителя, почему-то отвлёкшегося и очень быстро ехавшего.

А когда папа сказал, что он на этих людей не обижается, то все мужчины обрадовались и подарили им большую корзинку с черешней. Лёньке черешня очень понравилась. Он до этого такую вкусной ягоду не ел. Она была огромная, красная и очень сладкая.

Мама Лёньку от себя больше не отпускала, а усадила рядом с собой на заднем сиденье и кормила черешней.

Ехали они по Военно-Грузинской дороге. Она хоть и находилась высоко в горах, но отличалась от Военно-Осетинской. Лёньке казалось, что здесь и горы круче и ущелья уже и темнее. Но таких альпийских лугов и скалистых ледников, как у Мамисонского перевала он здесь не видел.

А когда они проезжали мимо замка царицы Тамары, дядя Лаврик остановил машину на обочине дороги, и они все вместе смотрели на высоченные скалы и старинные стены этого замка. Что там в этих стенах особенного, Лёнька так и не понял, но папа с мамой ими восхищались.

В Батуми они приехали уже глубокой ночью. Дядя Лаврик с трудом нашёл нужный дом, а когда они с папой постучали в его двери, то из него выбежало очень много людей. Они все громко разговаривали и радовались, что Володя с женой и детьми к ним приехал.

Про Лёньку с Вовкой все забыли. Вовка продолжал спать, а Лёнька очень хотел пить, но его никто не слушал. Какие-то женщины помогли маме перенести их с Вовкой в дом, напоили и уложили спать на широкую кровать, где мальчишки и проспал до утра.

Только утром Лёнька понял, что они остановились у знакомых папы. Мужчины оказались очень добрыми и всё время что-то весело говорили с папой, а женщины с мамой опять накормили и напоили Лёньку с Вовкой.

Папа оставил их с мамой в доме, а сам с дядей Лавриком и хозяином дома куда-то уехал.

Их долго не было, но когда они вернулись, то папа подошёл к маме с билетами в руках и потряс ими:

– Мы с Георгием купили билеты на самый лучший пассажирский пароход! И название его – «Победа»! И он отвезёт нас в Евпаторию! – Радостно говорил он. – Но так как билеты в обычные каюты закончились, то я купил билеты в каюту люкс.

Мама взяла билеты у папы, повертела их в руках.

– Это, наверное, очень дорого? – с сомнением смотрела она на папу.

Но папа обнял маму, поцеловал её в щёчку и успокоил:

– Не очень, – но, также бодро продолжил: – Живём ведь один раз, поэтому надо испытать и что такое этот люкс.

А Георгий, хозяин дома, объяснил маме:

– Тебе, уважаемая, с двумя детьми будет в этом люксе очень удобно. У тебя там никаких проблем не будет.

Что такое люкс, Лёнька не знал, но если он лучше всех других кают, то с нетерпением ждал, когда же увидит его.

Им по расписанию требовалось уезжать на пароходе днём, но он по каким-то причинам задерживался, и посадка пассажиров началась только ночью.

Они приехали в порт с дядей Лавриком и хозяином дома.

Мужчины подхватили вещи и понесли их к белому огромному пароходу.

Мама на одной руке несла спящего Вовку, а другой тянула за собой Лёньку.

А он, как только увидел белые борта этого гиганта, уходящие куда-то ввысь, так и плёлся следом за мамой, задрав голову кверху, не в силах понять, где же там в верхотуре они заканчиваются. Ему казалось, что эти белые борта парохода уходят к самому небу и где их конец, так и не смог разглядеть, поэтому постоянно спотыкался и, если бы мама не тянула его за руку, то точно бы упал раз десять.

А потом им пришлось по высоченному и широкому трапу взбираться вверх, чтобы добраться до главной палубы.

Когда папа рассказывал Лёньке, что их пароход имеет множество палуб, то Лёнька и представления не имел, а что же это за вещь такая, под названием палуба.

А когда они вышли на неё, то особого в этой загадочной палубе ничего не обнаружил. Обычная прогулочная дорога, только мощёная деревянными досками. Дед Ибрагим строгал точно такие же доски и из них делал дорожки во дворе дома, по которым все ходили и не пачкали ноги.

Интересное началось позже.

Это когда они зашли в сам пароход через большие деревянные двери с круглым окном наверху и оказались в длинных коридорах. Полы в них покрывали длинные красные ковровые дорожки. Вот это действительно удивило Лёньку. Ведь он никогда не видел сразу столько много ковров и дорожек. У них дома ковровые дорожки лежали только в большой комнате, а ковёр

с красивым узором висел на стене, а тут – все коридоры покрывали ковры. Его поразили стенки в коридорах, сделанные из дерева. Все они блестели и отражали огни многочисленных ламп, ярко светящих с потолков. Ручки на дверях в этих коридорах все жёлтые, блестящие, пороги в дверях тоже жёлтые и блестящие.

От всех переездов Лёнька очень устал, но от увиденного ожил и невольно заинтересовался всем. У него сразу возникло столько вопросов, что он не удержался и засыпал ими маму:

– А почему здесь везде ковры? А почему стены блестят? А из чего люстры сделаны? А ручки и пороги что, и впрямь из золота сделаны? – на что мама, хоть и была очень занята, но постаралась всё объяснять любопытному сыну.

А когда услышала про золото, то рассмеялась и разочаровала его:

– Нет, мой хороший, это не золото. Это тут так матросы бронзу и медь надраили.

Слово «надраили» ещё больше изумило Лёньку и он, увлекаемый мамой, вообще потерял дар речи, а только вертел головой, стараясь хоть что-то толком понять, разглядеть и запомнить.

А когда они пришли в этот таинственный люкс, то Лёнька вообще поразился, насколько здесь всё оказалось шикарно.

Громадная большая комната с тёмно-синим ковром на полу и круглым деревянным столом посередине. Широленные диваны, покрытые такой же синей тканью, но мягкой-мягкой. Лёнька даже потрогал их руками, чтобы ощутить их мягкость. Здесь же стояло несколько комодов с огромными ящиками и блестящими ручками.

Быстро пробежавшись по комнате, Лёнька обнаружил, что рядом с ней находится другая комната. А когда он заглянул в неё, то увидел, что это спальня.

В спальне пол тоже покрывал такого же цвета ковёр и стояла широленная кровать, прикрытая плотными занавесками. На стене висело огромное зеркало и около него стоял, блистая гладкой поверхностью, столик с такими же красивыми тумбочками и два шкафа из такого же коричневого дерева. В спальне он обнаружил ещё одну дверь с внушительной блестящей ручкой.

Когда он на неё надавил, то оказался в каком-то белом и светлом помещении. И, только придя в себя, понял, что это ванная комната. Стены и полы покрывали в ней розовые и белые плитки. Тут же стояла большущая белая ванна со всякими блестяшками и такие же белые унитаз с раковиной. Лёнька стоял посередине комнаты и не мог от всей этой красоты отвести глаз. У них тоже в ванной комнате стояла ванна примерно такого же размера, но такой красоты и чистоты в ней было. Его привёл в себя только голос мамы:

– Лёничка, сыночек, ты где?

– Я тут! – прокричал он в ответ и выскочил к маме.

– Ты где был? – удивилась мама.

– Там! – глаза у Лёньки горели от полученных впечатлений, и он вытянул руку в сторону ванной комнаты: – Там такое... – и Лёнька захотел рассказать маме о красотах, обнаруженные им в этом таинственном люксе.

Но мама не стала его слушать, а устало попросила:

– Солнышко моё, не надо куда больше бегать. Не расстраивай маму. У меня уже нет сил за тобой носиться. Давай лучше ложись спать, – и показала на широкий диван, где уже постелила простынь с подушкой и одеялом.

Вообще-то Лёнька и сам устал от всех этих переездов и суеты, поэтому перечить маме не стал, позволил себя раздеть и юркнул под одеяло.

Мама погладила его по голове, поцеловала и пожелала:

– Спокойной ночи, мальчик мой дорогой, – на что Лёнька уже из последних сил ответил:

– Спокойной ночи, мама, – закрыл глаза и сразу же заснул.

* * *

Заинтересовавшись, кто же пускает «зайчики» по потолку, Лёнька откинул одеяло и встал на мягкий ковёр. Ступни сразу же утонули в нём, а ворсинки ковра нежно их щекотали.

Ему очень хотелось пить и кушать. Тут он вспомнил, что грузинские папины друзья дали им колбасу, какие-то пироги и бутылки, а мама, когда распаковывали вещи, положила всё это в ящики большого комода или шкафа в этой большой комнате.

Осторожно, чтобы никого не разбудить, Лёнька прошёл по толстому мягкому ковру к поблескивающему лакированными коричневыми боками комоду и осторожно, чтобы не разбудить маму, открыл один из его ящиков.

Там лежали только вещи, но из соседнего ящика нёсся такой аромат, что он сразу понял, колбаса и булки находятся именно там.

Открыв этот ящик, Лёнька убедился, что не ошибся и, осторожно покопавшись, чтобы не шелестеть бумагой, нашёл коляску домашней колбасы, отломил он её кусок и начал жевать.

Колбаса оказалась настолько вкусной, что он сразу съел весь кусок. Ему этого показалось мало, и он вновь открыл знакомый ящик, чтобы достать остатки колбасы. Убедившись, что в ящике ещё много чего осталось, закрыл комод и уже конкретно огляделся.

На потолке по-прежнему играли «зайчики». Заинтересовавшись, откуда же они берутся, он вновь залез на диван, отдёргнул плотную, не полностью задёрнутую штору, и посмотрел в большое квадратное окно.

Увиденное его поразило. Насколько хватал взгляд, он увидел ярко-синее море. Над ним возвышалось такое же синее небо с маленькими шапочками белых облачков. Хотя небо и имело синий цвет, но он оказался не настолько ярким, как безбрежная даль моря. Солнце отражалось от морской поверхности, и оно играло на ней множеством ярких бликов, а они проникали через широкое окно в его комнату и «играли» на потолке. Теперь Лёнька понял, откуда взялись эти игривые «зайчики».

Захотев всё это получше рассмотреть, он осторожно слез с дивана, натянул брючки, надел рубашку, обулся в сандалики, открыл дверь и вышел в длинный коридор.

Пол в коридоре покрывали яркие красные ковровые дорожки. Они тянулись вдоль всего коридора и оказались настолько мягкими, что Лёнькины ноги в них утопали. Когда нога на них наступала, то они в ответ пружинили и звука шагов не слышалось. Это поразило его. Он даже попрыгал для проверки, но звук от соприкосновения сандалий об пол, так и не услышал. Поэтому, уже не опасаясь, что его кто-нибудь услышит, Лёнька смело двинулся дальше.

Дошёл до деревянной двери с большим круглым окном наверху, обеими руками со всех сил нажал на блестящую жёлтую ручку, переступил блестящий жёлтый порог и вышел на деревянную палубу.

Хотя в коридоре с потолка светило множество люстр, но свет яркого солнышка, отражавшегося от многочисленных волн ярко синего моря, его ослепил.

Прикрыв глаза рукой и прищурившись, он заворожено смотрел на безбрежное море.

Так вот оно какое это знаменитое море!

Закрыв за собой дверь, прошёлся по светло-жёлтым доскам палубы. Интересным оказалось то, что щели между досками заделаны какой-то чёрной массой. Это Лёньку удивило. Он присел на корточки и попытался ковырнуть эту чёрную массу ногтём, но она не отковыривалась, а когда Лёнька понюхал палец, то он почему-то пах, как асфальт. Этот запах его удивил, и он решил:

«Надо будет у папы спросить почему асфальт в щелки положили. Папа всё знает».

Солнце ярко светило и ему на открытой палубе даже стало жарко, хотя на палубе дул слабый ветерок.

Посмотреть на море ему мешал высокий борт, поэтому он нашёл какую-то приступочку, поднялся на неё и, не отрываясь, смотрел на бесконечно простирающуюся гладь моря, отражающую лучи солнца.

Устав висеть на борту, Лёнька слез с приступочка и продолжил гулять по палубе. Тут ему захотелось пить, и он решил вернуться в свой люкс. Но дверь, из которой он вышел на палубу, найти не смог. Их на палубе оказалось так много, что он не знал в какую из них ему войти и в нерешительности остановился.

Но тут увидел крутую лестницу, ведущую куда-то вниз, и решил пойти по ней.

Она привела его на другую палубу, а там рядом находилась ещё такая же лестница, и Лёнька пошёл по ней и вновь вышел на другую палубу.

Где бы он ни проходил, все двери оказывались закрытыми, а их ручки такими тугими, что как бы он ни нажимал на них обеими руками, они не открывались.

Неожиданно он увидел открытую дверь и вошёл в неё. Здесь на полу уже не лежали расстеленные ковровые дорожки, а гул, от которого он проснулся, слышался более отчётливо. Теперь Лёнька понял, что этот гул идёт от работающих моторов. Ведь у них в посёлке точно также слышался гул от работающих механизмов фабрики.

Не зная куда идти дальше, Лёнька шёл по этому странному коридору.

Мягких дорожек нет. Под ногами, какое-то странное покрытие и от него отчётливо слышался звук его шагов. Стены светло зелёного цвета. На потолке обычные лампы в плафонах, а на дверях нет блестящих жёлтых ручек. Нет, ручки на дверях были, но только серого цвета, а когда Лёнька потрогал одну из них, то понял, что они сделаны из простого железа.

Неожиданно в коридоре он увидел ещё одну открытую дверь и вошёл в неё.

Как же он удивился, когда оказался в помещении, где сидело очень много людей. Они все ели и о чём-то говорили, а когда Лёнька вошёл, то эти люди сразу прекратили есть и замолчали.

К нему подошла красивая тётя, присела около него на корточки и ласково спросила:

– Ты откуда тут взялся, малыш?

Её вопрос показался Лёньке даже обидным. Какой же он малыш? Ведь ему недавно исполнилось целых семь лет. Ему с Таймуразом даже поручали гонять отару овец, чтобы они их пасли в горных лугах. А тут – «малыш»!

Поэтому Лёнька возмущённо ответил:

– Никакой я тебе не малыш! Мне уже семь лет! Я осенью в школу пойду.

От чего тётя рассмеялась и, погладив его по голове, уже серьёзнее спросила:

– Ну, если ты уже такой взрослый, то ответь мне пожалуйста, а что это ты тут один делаешь?

Поняв, что с ним разговаривают серьёзно, Лёнька с полным достоинством принялся рассказывать:

– Мы вчера сели на пароход и меня положили спать на диване. А утром я проснулся, то захотел кушать и пить и пошёл искать, где можно попить.

– Ну и что? – так же серьёзно продолжала расспрашивать его тётя. – Нашёл?

– Не-а, – честно сознался Лёнька. – Колбасу я съел, а где можно попить – не нашёл.

Но тут к ним подошёл высокий дяди и также дружелюбно начал разговор:

– Меня зовут дядя Ваня, – он протянул Лёньку руку и, по-доброму улыбаясь, предложил: – Познакомимся что ли?

– Ага, – подтвердил Лёнька и, в свою очередь протягивая руку, назвал себя: – А меня зовут Лёня.

– Так ты, получается, Лёня, потерял свою каюту? – дядя Ваня с пониманием посмотрел на Лёньку.

– Получается, что так, – неохотно подтвердил Лёнька, хотя ему очень не хотелось сознаваться в этом.

– Ну, это не беда, – дядя Ваня широко улыбнулся Лёньке. – Это дело поправимое. Сейчас мы это всё исправим, – и обратился к тётеньке, всё ещё сидящей на корточках перед Лёнькой. – А ты бы, Валюша, организовала нам чайку, и мы бы тогда с Лёней серьёзно по-мужски поговорили. Заодно он и попьёт, и позавтракает вместе с нами.

– Ой, и правда, – ойкнула Валюша. – Ребёнок пить хочет, а мы тут к нему с вопросами пристали, – и, взяв Лёньку за руку, провела к одному из столов. – Садись вот тут. Я тебе сейчас настоящего матросского чая налью, – и куда-то убежала.

Лёнька взобрался на вертящийся стул и огляделся.

Вокруг него находилось много взрослых дядек, и они все дружелюбно его разглядывали. Некоторые пытались заговорить, а кто-то намазал большой ломоть белого хлеба маслом и посыпал его сахаром.

Тут вновь появилась Валюша с огромной чашкой чая.

Лёнька сидел за столом в окружении моряков, пил чай и уплетал вкуснейший хлеб с маслом.

Все его спрашивали, как он здесь оказался. А потом, когда моряки узнали, что он из каюты с большими квадратными окнами, то дядя Ваня дождался пока Лёнька всё доест, взял его за руку и предложил:

– Пошли-ка, Лёня, поищем твою маму.

Лёньке так не хотелось уходить из компании таких добрых и весёлых дядек, но он понимал, что мама, наверное, проснулась и начала искать его, поэтому нехотя согласился:

– Пошли, – и протянул дяде Ване руку.

– А мама знает, куда ты ушёл? – озабоченно поинтересовался дядя Ваня.

– Наверное, нет, – предположил Лёнька. – Когда я вышел в коридор, она ещё спала.

– А-а, – протянул дядя Ваня, – тогда всё понятно. Поэтому пойдём-ка побыстрее к пассажирскому помощнику и пусть он отведёт тебя к твоей маме. А то она, наверное, если проснулась, места себе не находит. Так? – и дядя Ваня внимательно посмотрел на Лёньку.

– Наверное, – пожал тот плечами. – Я как-то не подумал об этом, – но, в оправдание тут же добавил: – Но я же дорогу к маме найти не смог.

– Вот это очень плохо, что не подумал, – тяжело вздохнул дядя Ваня, не обратив внимания на Лёнькино оправдание. – Об маме всегда надо думать. Она ведь у тебя только одна, – и, взяв его за руку, пошёл по длинным коридорам.

Там он передал Лёньку другому строгому дяде в чёрном кителе и большой белой фуражке.

Этот дядя выглядел так серьёзно, что Лёнька подумал, что это капитан, поэтому спросил у него:

– Дядя капитан, а где твой бинокль? Как же ты пароходы водишь без бинокля? – на что дядя рассмеялся и ответил:

– А же тебя только к маме отведу, а для этого мне бинокль не нужен. Я и без него туда путь хорошо знаю, – и, взяв Лёньку за руку, повёл его уже по знакомым коридорам с коврами дорожками и красивыми люстрами.

Перед одной из дверей дядя в чёрном кителе остановился и громко постучал в неё.

Дверь тут же распахнулась и на пороге Лёнька увидел заплаканную маму.

– Вот ваша пропажа! – громко сказал он, указывая на понурого Лёньку.

Мама, увидев потерянного сына, тут же бросилась к нему со слезами и долго-долго целовала, говоря всякие хорошие слова. А папа, посмотрев на радостную маму, сказал «спасибо» дяде в чёрном кителе.

09.12.25

Первый день

Лёнька идёт за руку с мамой. Она такая красивая. Ему очень приятно держаться за её руку и смотреть на неё снизу-вверх. На её роскошные русые волосы и красивое платье.

Почему-то вспомнился вчерашний день, как она держала его на руках в детском садике и радовалась вместе с ним, когда ему вручали портфель с учебниками. Мама, не отпуская Лёньку со своих рук, обнимала и целовала его то в щёки, то в лоб. Так она радовалась за него! Ведь завтра он должен стать первокласником.

– Какой же ты вырос у меня большой! – восторженно повторяла она.

Сегодня утром она помогла Лёньке одеться в школьную форму и сложить учебники в новый портфель.

И вот сейчас Лёнька с мамой идут в его новую жизнь – в школу!!!

Тёплый ветерок треплет Лёнькины белокурые волосы.

Они прошли мимо зелёного забора детского садика, с которым Лёнька вчера распрощался, перешли по мостику речку Бадка и оказались перед широкой лестницей, ведущей к дверям школы.

Перед лестницей на линейку уже выстроились все ученики школы. Девчонки в белых фартуках, мальчишки в костюмах, а некоторые даже в бешметах.

Мама подвела Лёньку к Прасковье Антоновне, а та, погладив его по голове, взяла за руку и отвела в строй его будущего класса.

– Стой рядом с Женечкой Терентьевой, – с мягкой улыбкой сказала она и поставила Лёньку рядом с какой-то девчонкой. – Вы будете парой. Сейчас я к вам других ребят подставляю, и мы после звонка пойдём в класс.

Лёнька посмотрел на свою соседку. Какое-то маленькое белобрысое, остроносое существо. Какой-то бант на башке прищипан. Сзади болтается крысиный хвост из таких же белых волос с таким же несуразным бантом. Лёньку даже передёрнуло от соседства с ней.

Мама гладила его по голове и, видя недовольство сына, успокаивала. Она думала, что он сильно волнуется, о чём постоянно напоминала Лёньке с самого утра.

И тогда, когда они рассматривали учебники для сегодняшнего дня после детского садика. И когда они вечером примеряли школьную форму.

Вообще-то Лёнька сказал вчера вечером своему другу Черёме, что его поступление в первый класс не является разрывом их дружбы. Неважно, что он младше Лёньки всего лишь на несколько месяцев. Он всё равно поступит в первый класс на следующий год. И они навсегда останутся с ним друзьями.

А тут его ставят рядом с какой-то девчонкой и хотят, чтобы он взял её за руку.

«Ага. Дождётесь вы от меня этого», – думал Лёнька, всем своим видом показывая недовольство.

Но мама заставила Лёньку взять девчонку за руку, и он неожиданно почувствовал, что она у неё оказалась, как неживая и абсолютно холодная. Лёнька заглянул девчонке в бледное, замершее лицо и тут же подметил, что она чего-то боится.

– Не бойся, это я временно с тобой, – обнадежил её Лёнька, чтобы хоть как-то успокоить. – Дойдём до класса, и ты будешь сидеть на другой парте.

Женька посмотрела на него огромными карими глазами и непроизвольно всхлипнула, наверное, ей тоже всё это не нравилось.

Но Лёньке приходилось постоянно держать Женьку за руку, потому что другую его руку держала мама. А Женькину руку, с другой стороны, держала её мама.

Торжественная часть закончилась. Какую-то осетинку в национальной одежде со звонким колокольчиком в руках носил на плечах по кругу высокий парень, а первоклассники стояли и ждали куда же их поведут.

Последние речи, последние поздравления и Прасковья Антоновна повела своих подопечных в класс.

Как же удивился Лёнька, когда на первой парте, в средне ряду, где усадили его, по левую руку от него посадили всё ту же Женьку. Сзади Лёньки сидели Мирзоев и Котаев. Они с усмешкой поглядывали на Лёньку, всем своим видом показывая, что они сидят не с девчонками, как некоторые бабники.

Это среди пацанов посёлка было страшным ругательством, означая что этот пацан слабак и недостоин звания настоящего мужчины.

Мама смотрела на своего сыночка из полуоткрытой двери, но под взглядом Прасковьи Антоновны послушно закрыла дверь.

Родители остались за дверью. Начинался первый урок в Лёнькиной новой жизни.

Детский сад со вчерашним утренником остался в прошлом. Перед ребятами стояла Прасковья Антоновна, которая должна научить их чему-то новому, чего они ещё не знали.

Но Лёнька абсолютно не слушал её из-за обиды, что ему приходится сидеть на одной парте с какой-то белобрысой девчонкой.

Учительница с восторгом говорила о тожественном первом дне в стенах школы, но все её слова пролетали моих Лёнькиных ушей.

Самое обидное заключалось в том, что его посадили с девчонкой и вокруг все пацаны насмешливо поглядывали на него. Мол, как будто, он и сам девчонка.

Рука незаметно полезла в портфель, стоящий под партой. Лёнька влюблёнными глазами смотрел на учительницу, расхаживающую перед его партой в первом ряду и рассказывающей о первом счастливом дне, до которого Лёньке сейчас не было никакого дела.

Его рука вытащила из портфеля мешочек с чернильницей непроливайкой.

Куда её деть? Лёнька не представлял себе. Тут же рука нашла в портфеле ручку с пером, тетрадь и всё это он выставил на парту.

– Макаров, – прервала свою пламенную речь Прасковья Антоновна, – писать мы будем на следующем уроке, а пока сложи обратно всё это в портфель, – выговорила она Лёньке, показывая на чернильницу, ручку и тетрадь.

Пришлось подчиниться и Лёнька, уже демонстративно открыв крышку парты, достал портфель.

Женька сидела, задрав голову на учительницу, внимая каждому её слову. Лёньку это ещё больше подзадорило.

И он начал складывать все свои монатки обратно в портфель. Тетрадь, ручку...

А вот чернильницу, вынув её из мешочка, сшитого для этой цели мамой, поставил в лунку для чернильниц на заднюю парту. Сзади раздался смех и Таймураз по-осетински спросил Лёньку:

– Ты зачем это поставил здесь?

Но Лёнька ему не ответил, а ещё глубже залез под парту, засовывая правой рукой в портфель всё, что перед этим вытащил.

Левая же рука Лёньки знала своё подлое дело. Она выловила крысиный хвостик Женькиной косички с бантом и засунула его в чернильницу непроливайку, стоявшую сзади на парте.

Мирзоев с Котаевым в шоке сразу примолкли. У них изо ртов вырывались только междометия, а Прасковья Антоновна от увиденного обмерла. Ведь это всё делалось у неё на виду, прямо перед её глазами.

Ощувив, что с её косой что-то происходит, Женька завизжала и в классе началась неразбериха.

От неожиданных воплей дверь в класс открылась и в неё ворвались родители.

Вокруг стоял крик и гам. Только Лёнька молчал и наблюдал за всем этим бедламом.

Ну не хотел он сидеть с девчонкой за одной партой всю свою оставшуюся жизнь!

Женькина мать кричала на Лёнькину маму и обзывала её сына хулиганом. Лёнькина мама вытащила сына из-за парты и шлёпала его то ладонью по затылку, а то и по нижней части его худосочного тельца.

Прасковья Антоновна в шоке стояла на прежнем месте перед первой партой в центральном ряду. Остальные родители полностью поддерживали Женькину маму. Они все выкрикивали, что этому сынку начальника не место в этом классе.

Мама вытащила Лёньку из школы и, периодически лупцуя, препроводила домой. А вечером, когда папа пришёл с работы, произошёл допрос с пристрастием. Ох, и долго же они лупцевали своего сыночка первоклассника...

Но школа есть школа. И, если она началась, то уже никогда не закончится. Будь то просто школа или школа жизни.

Косу Женьке подрезали. И это оказался не просто крысиный хвостик, как показалось Лёньке с первого взгляда, у неё на самом деле была шикарная коса настоящей блондинки, цвету которой позавидовали бы многие жительницы Скандинавии.

А с Женькой Лёнька просидел за одной партой до шестого класса.

За это время он никому не позволил её обидеть.

Сколько контрольных он за неё решил и переправлял её сочинения, Лёнька не помнил. Но к её косе он больше никогда не притрагивался.

До самого расставания в седьмом классе они оставались друзьями.

У Лёньки навсегда в памяти остались её большущие, доверчивые карие глаза, в которых всегда отражалась уверенность и непоколебимость в своём друге.

Наверное, папина порка в отношении уважения к женщинам пошла Лёньке на пользу.

На всю его оставшуюся жизнь.

Но это жизнь и в ней всегда много терний, чтобы добраться до звёзд.

Владивосток 2012

Пылесос

Путь до школы неблизкий. Надо пройти мимо нескольких двухэтажек, затем трехэтажек и стройки, огороженной высоким забором с колючей проволокой. У входа можно остановиться и поговорить с солдатами. Они зачем-то охраняли этот забор и дядек, что-то строивших внутри него.

Обычно, у двухэтажек Лёньку ждал Ляжкин, которого его мама всегда провожала до выхода из подъезда.

Вообще-то он не Ляжкин. Он – Таймураз Катаев. Голова у него огурцом, что Лёньке иногда даже бывало смешно смотреть на неё. Лёнька всегда дружил с Таймуразом. И в детском саду, и после него. На улице они всегда играли вместе. В детском саду даже их кровати всегда стояли рядом. Он осетин. Иногда он плохо говорит по-русски и тогда он учит Лёньку говорить по-осетински. Вот поэтому для Лёньки нет проблем, чтобы понять своего друга, а ему – Лёньку.

Мама Таймураза частенько передавала ему для Лёньки всякие вкусности, а Лёнькина мама всегда напоминала ему, чтобы он угостил Таймураза бутербродами, которые она оставляла, если задерживалась на работе.

Таймураз повыше и посильнее Лёньки. Поэтому Лёнька с Черёмой никогда не боялись затевать потасовки с другими пацанами с улицы и из соседних дворов. Они всегда знали, что их тройка неделима и они вместе сильнее их всех. Но иногда Жаронд, рыжий, хитрый пацан из соседнего подъезда вылавливал их поодиночке и вымещал все свои накопившиеся обиды.

Но это ему редко сходило с рук. Возмездие всегда наступало его в лице неразлучной тройки. В конце концов, Жаронд отстал от них и ребята всегда спокойно играли или у себя во дворе, или в соседних.

А сейчас Лёнька шёл вместе с Таймуразом в школу. Черёму уже отвели в детский сад. А они уже взрослые первоклассники, поэтому шли самостоятельно. Ведь они уже целую неделю учились в первом классе. Ведь все премудрости этой школы им знакомы, и они их всегда легко преодолевают.

Подшли к стройке. Поглазели на солдат с настоящими автоматами и на злобных овчарок. Чуть что не так, собаки сразу же начинали лаять. Но с солдатами мальчишки уже познакомились. Овчарки слушались солдат, но только недоверчиво косились в сторону ребят и, порой, негромко рычали.

Мальчишек так и тянуло поглядеть в щели в заборе. Что же там делают люди, которых так строго охраняют? Но долго задерживаться около него нельзя. Можно опоздать на уроки.

Рядом со стройкой находился их бывший детский сад с длинным зелёным забором. Проходя мимо него, Лёньке иногда становилось грустно, что он больше никогда не вернётся назад в свою группу и к своей воспитательнице.

Но ничего. Вечером, когда Черёмина мама пойдёт забирать его из садика, Лёнька обязательно пойдёт с ней и попадёт в такую знакомую и добрую обстановку.

Но вот забор детского садика закончился и сразу открылся вид на школу. Она находится за небольшой речкой Бадкой.

Сейчас Бадка быстро катит свои прозрачные воды в бушующий Ардон. Это она сейчас такая мирная. А весной, когда тает снег, она бешеная. Её тогда уже уважительно называют Баддон. Она даже может катить огромные камни и вода в ней тогда очень грязная и чёрно-коричневая. Родители всегда предупреждают ребят, чтобы они близко к ней не подходили в этот период. А сейчас с берега на берег можно перебраться по обнажённым гладким камням, что мальчишки иногда и делали летом.

Но сейчас мальчишкам не до этого. Надо учиться. Надо идти в класс и постараться всё делать так, как говорит Прасковья Антоновна.

Школа большая и двухэтажная. Их класс находится на первом этаже. У него очень большие и высокие окна. В нём с утра всегда светло, потому что в них всегда светит яркое утреннее солнце.

Лёнька устраивается со своей соседкой Женькой на первой парте, а Таймураз уходит на задние парты. Он ведь высокий и ему определили место там.

Женька на Лёньку больше не обижается. Она знает, что это он не со зла макнул её косу в чернильницу. Она смотрит на Лёньку большими карими глазами и улыбается.

Но Лёньке сегодня не до её улыбок. Папа вчера вечером сказал, чтобы он внимательно слушал учительницу и впитывал в себя все её слова, как губка. Вот этим Лёнька и собирался сегодня заняться с полной серьёзностью.

Вынув чернильницу и ручку, он разложил тетрадку на парте и слегка залез на Женькину половинку. Та вызывающе глянула на него:

– Не лезь на мою половину парты, – ехидно прошипела она.

Лёнька послушно отодвинулся. Всё-таки он ещё чувствовал себя виноватым, но Женька тут же задвинула свою тетрадь на его половину.

Нет! Такого Лёнька стерпеть не смог. Он моментально смёл Женькину тетрадь в сторону. Заодно на пол полетели и ручки. Чернильницы чудом задержались в лунках.

Прасковья Антоновна сразу же заметила потасовку.

– Макаров, ты опять принялся за старое! – грозно прикрикнула она, когда Лёнька полез под парту за утерянной ручкой.

– Ничего я не начинаю, – пропыхтел Лёнька из-под парты. – Она сама всё начала.

Но когда он вылез, то у парты уже стояла Прасковья Антоновна. Она строго смотрела на Лёньку и от её взгляда он невольно содрогнулся. Ну вот, опять всё началось заново.

«Хотел же новую жизнь начать» – с горечью подумалось Лёньке. – «А оно вон, как получается...»

Из громадных Женькиных глаз катились слёзы. Она с такой обидой смотрела на Лёньку, что ему вообще стало плохо. Предчувствие наказания нависло над ним.

– Ну, сколько можно издеваться над нами, Макаров? – громыхал голос Прасковьи Антоновны. – Ты постоянно мешаешь мне проводить уроки. – И строгим голосом приказала: – Выйди из-за парты и встань в угол.

Пришлось подчиниться, выйти и встать в угол около учительского стола лицом к стене.

Обида глодала Лёньку. Собирался ведь с утра впитывать все знания. А тут как их впитываешь, когда сам стоишь в углу, а весь класс сверлит твой затылок глазами? В голове не проскользнуло ни единой нормальной мысли до самого звонка. Только обида терзала Лёньку, да иногда предательские слёзы сами выкатывались из глаз.

Зазвенел звонок. Все задвигались в классе и захлопали крышками парт. Прасковья Антоновна подошла к Лёньке и развернула лицом к себе.

– Ну что? Понял свою ошибку? – грозным голосом спросила она и смотрела в его глаза немигающим взглядом.

Какую ошибку? Что за ошибку? Но Лёнька смекнул, что надо соглашаться, а то потом неизвестно что ещё будет.

Хлюпнув носом для большего эффекта, он кивнул и без того понуренной головой. Наверное, его раскаяние понравилось учительнице.

– Ладно. Иди, погуляй на перемене, – подобревшим голосом разрешила она и Лёнька поплёлся к двери.

За дверью его ждали сочувствующие друзья. Таймураз похлопал друга по плечу:

– Не реви. Всё уже прошло. Училка больше тебя не накажет.

Другие пацаны тоже с сочувствием смотрели на Лёньку. Они понимали, что наказали его несправедливо. Лёнька перестал хлюпать носом, вытер его кулаком и огляделся.

В другом конце коридора стояла группа девочек. Они окружили Женку и о чём-то шептались.

Какая сила потянула Лёньку туда, он и сам не понял. Но мальчишки всей ватагой грозно приблизились к этой группке беззащитных одуванчиков. Лёнька выдвинулся вперёд и зловеще пообещал, вытянув вперёд кулак:

– Ну, всё! Хана вам пришла. После уроков встретимся.

Побледневшие девочки только плотнее сгрудились, но тут раздался звонок, помешавший Лёньке высказать накопившие обиды. Все помчались в класс и уселись за парты.

Лёнька тоже занял своё место. Но какое уже тут впитывание знаний? Какая учёба? Голова переполнялась коварными замыслами о предстоящей расправе.

Все перемены пацаны обсуждали предстоящую месть вообще всем девочкам. У всех пацанов тоже имелись к этим задавакам свои претензии.

Так прошло ещё два урока и наконец-то прозвенел долгожданный звонок.

Банда гурьбой выбежала из школы и, быстро перебежав мост, спряталась за дровяным сараем школьного сторожа Геора, построенного около зелёного забора детского сада.

В засаде пришлось сидеть довольно долго. Уже прошли все первоклассники из других классов, но девочки их класса из школы не выходили.

Но вскоре они показались на мосту. Осторожно оглядываясь, они группкой перешли мост.

И вот настало время мести!

Место для отступления противнику мальчишки отрезали и с тыла неслись на врага с криками и воплями, грозно задрав портфели над головами.

Лёнька, Таймураз, Икаша, Козёл, Пигич, Созий, Свисток, полные решимости отомстить за нанесённые обиды, мчались на перепуганных девочек. Расплата казалась неминуема. Но тут раздался грозный окрик и мальчишки увидели хромого сторожа Геора. Он выскочил из-за моста и быстро приближался к ним, грозно потрясая палкой.

Конечно, силы оказались не равными, и ватага мстителей изменила направление набега. Скорее всего, он напоминал побег от разъярённого Геора.

С криками:

– Мы ещё встретимся, – мальчишки быстро удрали за детский садик и стройку, где обсуждали дальнейшие планы мщения. И, обсудив их, довольные разошлись по домам.

Вечером мама Лёньку ни о чём особом не расспрашивала, она только просмотрела его тетрадки и отправила спать.

На следующий день первый урок начался как обычно. Но, вместе с тем и необычно.

Прасковья Антоновна, медленно осмотрев весь класс пронзительным взглядом, зловеще произнесла:

– И что же это вы сотворили вчера? Позор! Стыд какой! Нападать на девочек! Да разве я вас этому учу? Встать всем участникам! – грозно приказала она.

Под её тяжёлым взглядом волей-неволей пришлось встать. Вся банда мстителей стояла, потупив головы.

– Хорошо, хоть смелости хватило признаться в своём безобразном поведении, – так же грозно рокотал голос учительницы. – Хорошо, что мне не надо вас об этом допытывать, и вы в этом сами сознались. И поэтому мне не надо об этом безобразии ставить в известность директора школы.

От этих слов у Лёньки невольный холодок пробрался по спине и мурашки пошли по коже, но училка оставалась непреклонной:

– Всем нарушителям порядка! Немедленно принести и положить свои дневники мне на стол, – и, с невероятным треском ладонью, обозначила место на столе, куда именно надо принести и положить дневники. – Я напишу вашим родителям о ваших героических похождениях. Пусть они с вами сами разбираются.

У Лёньки не только холод пронизал всю спину, а начали трястись коленки, когда он представил, что случится с его нижней задней частью тела, когда папа прочтёт такую запись в его дневнике.

Медленно, с явной неохотой, преступники несли свои дневники на стол. Кроме Лёньки.

Он тоже сделал вид, что ищет дневник в портфеле, но незаметно перепрятал его в мешок, где лежал завтрак и поглубже засунул его под парту. Женька вопросительно глянула на Лёньку, а он, увидев её взгляд, прижал палец к губам. Молчи мол и Женька утвердительно в ответ кивнула.

Прасковья Антоновна, грозно глядя на Лёньку, медленно произнесла:

– А тебя, Макаров, что, моё приказание не касается?

Хоть поджилки и тряслись у Лёньки, но он, не моргнув глазом, соврал:

– А я его дома забыл.

Прасковья Антоновна не поверила. Она подошла к его парте, открыла её и, достав Лёнькин портфель, заглянула в него. Дневника там действительно не было. Не найдя дневника, Прасковья Антоновна удивлённо перевела взгляд на Лёньку:

– Ну, что же. Значит, ты принесёшь его завтра, – решительно произнесла она. – Но запись я тебе всё равно сделаю, – и начала урок.

Лёнька благодарно посмотрел на Женьку. Но та только дёрнула плечиком. Мол. Подумаешь. Но Лёнька всё равно был ей благодарен. Эта не Валька Бекузарова. Она Таймураза сразу заложила учительнице в прошлый раз.

На следующий день урок начался точно так же. Прасковья Антоновна первым делом спросила у Лёньки:

– Ну, что, Макаров? Ты принёс дневник? – вопрос прозвучал так же грозно, как и вчера.

Но дневника у Лёньки в портфеле сегодня на самом деле не было. Он его дома засунул глубоко под тумбочку, на которой стояла радиолы «Дружба».

Это было самое новое и интересное приобретение родителей Лёньки. Если поднять верхнюю лакированную крышку радиолы, то там находился патефон для проигрывания пластинок. А на шкале приёмника обозначались названия городов всего мира и располагалось с десяток клавиш под ней. Ими переключались радиоволны. Короткие, ультракороткие, длинные. От этих названий кружилась голова. Лёнька с Черёмой и Таймуразом подолгу щёлкали ими. Ловили музыку всего эфира, всей Земли.

– Нет, я его не смог найти. Он куда-то неизвестно куда заделался, – невразумительно лопотал Лёнька.

У Прасковьи Антоновны от удивления поднялись брови:

– Как это неизвестно куда задевался? У него что, есть ноги или крылья, что он сам может деваться, куда ему захочется? – так же удивлённо произнесла она. – Очень даже странно. Придётся мне с тобой вместе пойти к тебе домой и попытаться разыскать его.

Вот те раз! Лёньку, как молнией пригвоздило к парте. А вдруг найдут!? Вот тогда ему уже точно попадет.

– Да нет, Прасковья Антоновна, вы даже и не пытайтесь его искать, – с безразличным видом махнул рукой Лёнька. – Его даже с помощью пылесоса невозможно отыскать так глубоко он задевался, – таким образом Лёнька пытался избежать неизбежно приближающейся порки и поэтому придумал про пылесос.

Папа недавно привёз его из Москвы. Такого в посёлке ещё ни у кого не было, и Лёнька подумал, что учителька даже не догадывается о существовании такого агрегата. Но, он тут же понял, что что глубоко заблуждается.

– Странно, – произнесла в очередной раз Прасковья Антоновна. – Но домой мы к тебе всё же ходим после уроков, – многообещающе огорошила она его и начала урок.

Какой тут урок! Какие тут знания! Лёнька сидел, как на иголках с одной мыслью, как бы успеть перепрятать дневник и избежать предстоящего раскрытия преступления.

После уроков Прасковья Антоновна не дала Лёньке даже приподняться с парты, пригвоздив его к ней строгим взглядом, поэтому он молча сидел и покорно ждал, когда она закончит проверку тетрадей.

Перед выходом из школы Прасковья Антоновна зашла в учительскую. Лёнька слышал, как она что-то говорила по телефону. Но и без всяких пояснений он понял, что звонила она маме и о чём-то её просила.

Вот они и вышли из школы. Ни яркое солнышко, ни нежный осенний ветерок, ничто не радовало Лёньку. Он плёлся рядом с учительницей и однозначно отвечал на её вопросы. Никогда ещё дорога домой не казалась ему столь длинной.

Но вот они и перед дверью Лёнькиной квартиры. На стук в дверь её открыла мама. Ну, ничего себе! Так и папа оказывается дома?! Он обычно приходил только поздно вечером, а тут в середине дня и дома. Всё это показалось Лёньке очень странным. Под ложечкой противно заныло.

Родители гостеприимно встретили Прасковью Антоновну. Усадили её в гостиную за круглый стол, накрытый белой скатертью, а Лёньку поставили перед своими очами и начали допрос.

Его, как вражеского агента, всячески допытывали о столь злостном событии, как о потере дневника. Но, оказалось, что это только вершина айсберга. Тут выявилось Лёнькино главное преступление – заговор по нападению на девочку, мерзкая мстительность его характера и его злостное враньё. Все преступления одно за другим выплыли наружу.

По мере выявления истины, голос папы становился всё более басовитым. Лёнька знал, что при появлении таких ноток в голосе папы пороть его будут нещадно. Требовалось как можно быстрее и искреннее во всём сознаваться.

Поэтому он разрыдался, наверное, вполне естественно, потому что мама схватилась за грудь и с жалостью смотрела на своего ревущего сына.

И с таким рёвом Лёнька полез под тумбочку за этим злополучным дневником.

Предмет преступления изъяли и выставили на всеобщее обозрение.

Прасковья Антоновна сидела довольная. Свою воспитательную миссию она выполнила, поэтому быстро засобиравшись домой, а родители, проводив её, вернулись в комнату, где оставили ревущего сыночка в гордом одиночестве.

Папа выглядел очень недовольным и заметно нервничал.

– Это же надо додуматься! Пылесосом не достать, – грозно возмущался он. – Это же надо такое придумать! И что же мне с тобой делать с таким умным и сообразительным? – и папина рука непроизвольно потянулась за ремнём.

По Лёнькиной спине прошёл смертельный холод, рыдания переросли в нешуточный вопль, слёзы градом потекли из глаз, как из брандспойта. Лёнька так старательно орал в надежде на родительское сострадание, что первой не выдержала мама и присела около своего любимого сыночка на корточки.

– Ну успокойся, ну не плачь, – уговаривала она, прижимая его к груди и нежно глядя по голове.

А когда Лёнька увидел, что папина рука оставила ремень, то понял, что наказание миновало, но для убедительности в своём раскаянии, его рыдания стали ещё громче и слёз покатилося в десять раз больше.

Лёнька долго ещё не мог успокоиться от рыданий. И даже, когда мама поила своего расстроенного сыночка чаем, всхлипывания то и дело сотрясали его плечи.

Папа ходил мрачнее тучи. Он всё ждал, когда же сын перестанет рыдать и сегодня больше не пошёл на работу.

А вечером началась экзекуция. Лёнька стоял между папой и мамой, пытающихся достучаться словами до его мозгов. Нет, они ничем не угрожали Лёньке, они разговаривали с ним обычным тоном, всячески пытаясь объяснить то, где он оказался не прав и как требовалось бы поступить в создавшейся ситуации.

* * *

Последняя такая беседа с Леонидом проводилась в семнадцать лет. Но, видно слова родителей слишком долго идут до тех, кому они предназначаются. И, только сейчас, когда мама и папа смотрят на своего сына с небес, он только сейчас смог осознать, как же они были правы, и насколько сильно хотели поселить добро в его юную голову.

* * *

А наутро в школе от «подельников» только и слышалось:

– Ну, что, отлупили? Ну, что сказала учителька? Что, зад болит? – ехидничали Лёнькины «друзья» по банде.

Их всех не пожалели дома и нешуточно отделали ремнём. Даже Таймураз пожаловался.

– Мама долго, долго меня бил.

А Лёнька фертом прошёлся перед ними.

– У вас у всех есть красная запись в дневнике. А мой, так и остался чистым, – он вынул дневник из портфеля и помахал им перед лицами подельников.

Вот тут-то Лёнька впервые и увидел завистливые и злобные взгляды своих «друзей».

Ох, и сколько подлостей они сделали ему в его юношеской жизни. И Козёл и Икаша и Пигич. Все, кроме Ляжкина.

Только Таймураз навсегда остался Лёнькиным самым лучшим и преданным другом, наверное, потому что он именно сын своих гор, алан.

Владивосток 2012

Покурили

Закончился первый день во втором классе. Лёнька вернулся домой после школы. Портфель непомерно оттягивал руку, и поэтому приходилось постоянно переключать его из одной руки в другую. Поднявшись к себе на этаж, он позвонил в дверь тёти Томи, чтобы она отдала ему ключ от квартиры. Посмотрев Лёньке вслед, она тяжело вздохнула:

– Совсем уже взрослый стал.

Лёньку рапирало от гордости. Он уже совсем взрослый! Наверное, поэтому мама позволяла ему оставаться одному в квартире, и он в одиночестве мог делать всё что ему вздумается.

Лёнька переоделся, достал из холодильника оставленные мамой бутерброды и молоко. Поел и аккуратно повесил в шкаф снятую новую школьную форму. Прошёлся по квартире из угла в угол пару десятков раз и понял, что его не радуют ни игрушки, ни сегодняшний чудесный день. Ничего его не радовало, хотя в окно светило яркое солнце, в такой знаменательный день. Ведь он уже настоящий второклассник, а не какой-нибудь первоклашка! И ему хотелось это доказать. Или сделать что-нибудь такое, что удивило бы всех.

Он вышел на балкон. Мама на нём высаживала цветы и сейчас осенью они буйно разрослись. Бабушка всегда говорила, когда видела, как её внук ухаживает за цветами:

– Ой, наверное, будет садовником мой внучок, как и его прадед.

Про того прадеда Лёньке пропели много песен. И он устал слушать про то, что он посадил на Крестовом острове в Санкт-Петербурге липовую аллею, что он служил садовником у графа Воронцова, что у него было много детей и он был замечательным человеком.

Лёнька полил цветы и поплевал с балкона вниз, глядя, как плевки шлёпались на асфальт. Делать было абсолютно нечего. Скука его разъедала. Всё казалось совсем другим после летних каникул, когда мама вечерами готовила ужин и позволяла ему играть во дворе.

А сейчас всё не так. Мама на работе и не скоро ещё придёт. Солнце бьёт лучами во двор, на котором никого нет. И Лёнька с грустью смотрел вниз с третьего этажа на пустой двор.

Но тут из соседнего подъезда вышел Черёма. У него сегодня прошёл первый день в первом классе.

Он тоже без дела слонялся по двору. Видно, и ему делать нечего.

Неожиданно Лёньке захотелось узнать, как у Вовки прошёл его первый день в школе и, замахав руками, он закричал:

– Черёма! Здорово! Что будешь делать?

– Пока не знаю! Давай выходи! – подняв голову, прокричал в ответ Вовка.

Быстро переодевшись в уличную одежду, Лёнька спустился во двор.

Черёма обрадовался Лёнькиному появлению. С девчонками они не играли и поэтому оставили их в песочнице заниматься копанием. Срочно требовалось что-то сделать. Но куда деть переполнявшую их энергию, мальчишки не знали.

Делать было, на самом деле, нечего. Они уже и туда сходили, и сюда. И покачались на качелях и подражали девчонок. Но что-то всё равно ещё хотелось сделать.

– А давай закурим! – вдруг предложил Черёма.

– И где мы возьмём это курево? – Лёнька с сомнением посмотрел на своего друга.

– Бабка у меня уснула, а её папиросы остались лежать на столе. Если я стырю парочку, то она не заметит этого, – чуть ли не шёпотом поделился с Лёнькой Черёма.

– Точно! А у меня и спички припрятаны на чердаке, – поддержал его Лёнька.

Черёма смотался домой и с таинственным лицом показал Лёньке пачку папирос.

– Ты зачем стырил всю пачку? Бабка же нас засечёт! – обеспокоился Лёнька неосмотрительностью своего друга.

– Не бойся, это не её, это отцовские. Тот про них вообще забыл, – уверенно сообщил он и тут же спросил: – Где спички?

– Где-где? – возмутился Лёнька тупостью Черёмы. – На чердаке, – хотя ему хотелось ответить совсем другое.

– Так что мы тут сидим? Давай быстрее туда. Там вообще нас никто не увидит, – протаторил Черёма и мальчишки быстро вбежали в подъезд.

На чердаке стоял полумрак. От раскалённой крыши шёл жар и было очень душно.

Пройдя в самый тёмный угол чердака, они там присели.

– Ну, давай зажигай! Где твои спички? – торопил Лёньку Черёма.

Но сидеть в такой духоте оказалось невмоготу, и Лёнька предложил:

– Давай у окна лучше закурим. Там и светлее, и прохладнее.

Черёме тоже, видно, стало жарко, и он согласился:

– Давай, пошли.

Они уселись под чердачным окном на кем-то оставленные кирпичи. Окно держали по каким-то причинам открытым и из него шёл хоть какой-то свежий воздух.

– А ты когда-нибудь курил? – поинтересовался у Лёньки Черёма.

– Нет. Я только видел, как это делают дядьки и папа, – честно сознался Лёнька.

– Я тоже, – Черёма с сожалением скорчил физиономию. – Но ничего. Давай попробуем, – решительно махнув рукой.

И они начали пробовать. Для начала размяли папиросы. Папа всегда так делал. Потом продули мундштуки. Их замяли и вставили в рот.

Мальчишки сидели друг напротив друга с папиросами во рту. Важные и гордые: вот, мол, какие мы взрослые, даже можем и с папиросой посидеть! Но никто из этих храбрецов не решался сделать последний шаг – зажечь спичку и закурить. Было страшновато, но Черёма не вытерпел.

– Чего ждёшь? Зажигай! – заговорщицким шёпотом прошипел он.

Лёнька зажёг спичку и поднёс её к Черёминой папиросе. Тот потянул из неё, но не вдохнул, а сразу же выпустил изо рта клуб дыма. Лёнька его действиям поразился. Черёма курит! Ну ничего себе!

Придвинув спичку к своей папиросе, Лёнька потянул из неё и непроизвольно глубоко вдохнул тёплый дым.

Что тут началось! В глазах всё поплыло. Из глубины груди стал вырываться кашель, доведший его чуть ли не до рвоты. Из глаз слёзы лились рекой. Весь мир померк. Осталась одна темнота. Передо ним стояли только удивлённые Черёмины глаза. Тот пытался что-то сказать, но Лёнька ничего не слышал и не понимал.

Через какое-то время кашель стих и слёзы перестали литься из глаз. Вот тут-то Лёнька и разглядел гордого Черёму.

– Эх ты... – Черёма надменно смотрел на Лёньку. – Слабак. Смотри, как я это делаю! – и он заправски потянул из папиросы, тут же выпустив дым изо рта. Лёньку это удивило.

– Привыкнуть надо, – тоном знатока веско пояснил Черёма. – Что ты её сразу тянешь? Потихоньку тyani и всё у тебя получится.

Несмотря на то, что Черёма младше Лёньки на пять месяцев и на класс в школе, он его послушался.

Через некоторое время они уже оба дымили папиросами. Вокруг них стояло целое облако дыма, потихоньку выходявшее в чердачное окно.

Мальчишки чувствовали себя королями. Им уже всё было безразлично. Ведь они уже познали вкус взрослой жизни. Важность и гордость переполняла и распирала их.

Но тут свет в чердачном окне померк и из него выглянула голова Валерки Четверякова.

Валерка уже перешёл в десятый класс. И для, мелюзги, типа Лёньки и Черёмы – он был непререкаемым авторитетом. Со всеми неразберихами и склоками мальчишки всегда обращались к нему, и он справедливо разрешал их споры. Родителей он никогда к этому не подключал.

И теперь Валерка неожиданно возник в чердачном окне.

– Это что вы тут делаете, засранцы? Вы что, дом подпалить хотите? А ну, марш отсюда! – прикрикнул он на незадачливых куряк.

Мальчишки, конечно, не ожидали, что Валерка сегодня загорает на крыше. Ведь он же должен находиться в школе. Ребят ошарашило то, что кто-то их мог застать за таким непристойным занятием, как курение.

Валерка без разговоров ухватил малолетних курильщиков за шиворот и, несмотря на их вопли и сопротивление, выволок на улицу.

На этот случай невезучий во дворе стояла Лёнькина мама с тётёй Галей, Черёминой мамой.

Валерка, не церемонясь, выпустил пацанов перед ногами матерей, зло выговорив при этом:

– Забирайте ваших курильщиков. Они чуть дом не спалили! – и, бросив на землю пачку папирос со спичками, прихваченные на чердаке, вернулся в подъезд.

Конечно, мамы первым делом обнюхали своих чад. И что тут началось! Во дворе стояли только их крик, прерываемый увесистыми подзатыльниками и подзадниками.

Черёму Лёнька больше не видел, потому что мама затащила его домой самым бесцеремонным образом и, как злого курильщика, заперла в тёмную кладовку до прихода папы.

Папа, как всегда, пришёл домой поздно вечером.

Лёнька слышал, как открылась входная дверь и как мама что-то объясняла ему. И вот дверь в заточение открылась. В темноту кладовки хлынул свет из коридора. На пороге стоял спокойный папа.

– Ну что, куряка, выходи. Поговорим, покурим. Обсудим твою учёбу и успехи. – Как бы с усмешкой произнёс он.

Что оставалось делать? Пришлось выходить. Лёнька с осторожностью, бочком вышел из кладовки.

– Да не бойся ты. Ты же взрослый. Что ты так переживаешь? – спокойно проговорил папа. – Никто тебя не тронет. Просто чисто по-мужски посидим, поговорим.

Лёнька с недоверием просочился в комнату и скромно присел на краешек стула у стола.

Папа сел напротив сына и долго молчал. Мама присела рядом с ним. Наконец-то папа заинтересовался:

– Ничего не хочешь мне сказать? – но, видя упорное молчание насупленного сына, предложил: – Ну что же, остаётся только закурить и обсудить по-мужски эту проблему.

Он выложил на стол пачку папирос. Достал из неё одну папиросу и протянул другую Лёньке.

Тому ничего не оставалось больше делать, как только взять её.

Минуты тянулись. Папа разминал в пальцах папиросу и о чём-то думал. Ну а Лёньке что оставалось делать? Он тоже разминал в пальцах папиросу. Папа посмотрел на его пальцы и ухмыльнулся:

– Да ты уже специалист, как я посмотрю. Тогда давай уже и закурим. Что просто так сидеть?

Папа зажёл спичку и протянул её сыну. Тут Лёнька представил себе, что случится сейчас, если он затаит в себя этот вонючий дым. Ему очень не хотелось пережить те боли и муки, перенесённые им на чердаке, поэтому он потихоньку потянул в себя дым, но не вдохнул его полностью.

Как только дым наполнил рот до отказа, Лёнька его выдохнул и, закатив глаза, специально свалился со стула. Тут он принялся изображать то, что на самом деле происходило с ним на чердаке. Он искусно изображал все прежние рвотные конвульсии, кашель, вопли, слёзы, корчась и катаясь по полу комнаты, якобы это действительно происходит с ним сейчас.

А слёзы текли по-настоящему. Рёв из горла и кашель на самом деле вырывались неподдельными.

Орал Лёнька больше всего от страха, ведь не изобрази он этот спектакль, быть бы ему в итоге поротым как сидоровой козе. А что у папы рука тяжёлая, Лёнька не раз пробовал. Поэтому, страшась предполагаемой расправы, орал он и вопил от души.

Первой не выдержала мама. Она с криками и стенаниями бросилась к своему сыночку. Подхватила Лёньку на руки и принялась целовать его лицо, глаза и, вытекающие из них слёзы.

– Ты что же это такое сотворил?! Ты же ребёнка чуть не убил! – кричала она в лицо растерявшемуся папе, а тот только бормотал:

– Ну как же так? Ну, только раз? Да не может же такого быть...

Но мама не обращала внимания на папины слова. Она быстро унесла Лёньку в ванную комнату, раздела и поставила под тёплый душ. Слёзы потихоньку смешались с тёплыми струями воды и рыдания постепенно прекратились.

Вынув сыночка из ванны, мама завернула его в тёплое полотенце и уложила в кровать, а сама легла рядом. Всхлипывания стали затихать, и Лёнька провалился в сон.

Утро стояло прекрасное. Долина только начала прогреваться восходящим из-за гор солнцем. Внизу слышался вечный рокот Ардона, а в палисаднике у дома не ощущалось ни единого дуновения ветра.

Вместе с мамой Лёнька вышел из дома. Навстречу им попались тётя Галя с потрёпанным Черёмой.

– Ты уж доведи моего оболтуса до школы, – попросила она маму, а сама заспешила в другую сторону.

Взяв обоих мальчишек за руки, мама привела их в школу, поцеловала Лёньку в щёку и погладила по макушке.

– Смотри, будь хорошим мальчиком, – в напутствие проворковала она, достала кошелек и дала скромно молчащему сыночку двадцать копеек. – А это потратишь в буфете. По своему усмотрению, – напомнила она и, ещё раз чмокнув своего херувимчика в щёку, развернулась и пошла на работу.

Двери школы за мамой закрылись, а до звонка на урок оставалось ещё минут десять.

Тут Лёнька взглянул на понурого Черёму.

– Ну что? – участливо поинтересовался он. – Лупили вчера?

Черёма пошевелил лопатками и поёжился:

– Отец как сдурел, ремнём лупил прямо по спине.

– И ты что, ни в чём не сознался? – с ехидцей смотрел Лёнька на несчастного и взъерошенного Черёму.

– Да ты что? Он бы меня тогда вообще бы убил, – угрюмо пробубнил тот в ответ.

– Ну и дурак. А я всё рассказал и мне мама, видишь, даже двадцать копеек дала на пирожки, вместо пяти. И это всё за правду. – Гордо сообщил Лёнька.

– Дашь укусить? – и тут Лёнька почувствовал, что Черёму сегодня даже не покормили или у него после порки, отсутствовал аппетит.

– Конечно, – утвердительно кивнул Лёнька. – После первого урока прибегай к буфету. – Предложил он, собираясь бежать к себе в класс, а в ответ увидел большие добрые глаза своего друга.

– А курить я всё равно буду, – упрямо пробурчал Черёма.

Лёньку как будто окатило холодной водой. Он повернулся к Вовке и, подойдя вплотную к нему, пригрозил:

– Если закуришь, за пирожком на перемене не подходи, – и рванул к себе в класс.

Насколько Леониду Владимировичу известно, Вовка Черёмин так никогда больше и не курил, хотя его перипетии судьбы заставили это сделать.

Владивосток 2012

Вой волка

Как всегда, после школы делать оказалось нечего. В школе хорошо.

На уроках можно сидеть и делать вид, что слушаешь Прасковью Антоновну, а самому вспоминать про приключения индейцев, прочитанных в романах Майн Рида или Фенимора Купера или мечтать о чём-нибудь хорошем. Например, о прошедшей рыбалке, поездкой в горы с папиными друзьями или о том, как собирали грибы в Бадкинском ущелье прошедшим летом.

Хотя, если Лёньку неожиданно спрашивали, о чём только что говорилось на уроке, он мог дословно всё пересказать, и Прасковья Антоновна всегда этому удивлялась.

Но, несмотря на такую особенность, она специально пересадил Лёньку с Женькой со среднего ряда и передней парты, в первый ряд на первую парту перед своим столом.

Это для того, чтобы Лёнька всегда находился у неё на виду и не натворил каких-нибудь пакостей.

Это произошло не просто так. Прасковья Антоновна с Лёнькиной мамой очень озадачились его поведением.

Многих осетинов оставили на осенние занятия по русскому языку и арифметике после первого класса, а Лёньку...

Прасковья Антоновна сомневалась переводить ли его во второй класс с таким поведением или оставить на второй год следующей учительнице.

Сейчас Леонид Владимирович понимал, что они применили один из воспитательных педагогических приёмов. Но он почему-то на Лёньку не подействовал.

* * *

Лёньке в конце учебного года в первом классе оценку по поведению не поставили. Графа по поведению оставалась незаполненной. Ему объяснили, что, если там появится двойка, то его оставят на второй год в первом классе. А для того, чтобы исправить её, Лёньке требовалось пройти специальное испытание по поведению в августе перед началом занятий во втором классе.

Если он покажет свою усидчивость, то его переведут во второй класс. Ну, а если нет, то ему грозило стать второгодником из-за своего поведения. Но перевод во второй класс зависел только от решения учительницы и об этом Лёнькины мама с папой очень серьёзно с ней разговаривали.

От Лёньки требовалось приходить в школу в девять часов утра и сидеть спокойно за партой четыре часа, пока все осетины не выучат арифметику или русский язык.

И вот так на первой паре в третьем ряду ему приходилось проводить четыре часа.

Конечно, после окончания таких занятий, Лёньку у дверей школы ждал Таймураз, а иногда и Женька. И они вместе убегали в ущелье и носились там по лугам.

Какие же трудности испытывал Лёнька, чтобы высидеть эти четыре урока с второгодниками, которые не могли понять объяснений Прасковьи Антоновны! Это невозможно описать!

Лёнька, иногда пытался помочь этим несчастным, но вездусущее око учительницы не позволяло ему этого сделать, каждый раз грозившей выгнать его с занятий. Ну, а если она его выгонит, то придётся Лёньке снова идти в первый класс. А ему этого ой как не хотелось...

Поэтому поняв, что лучше спокойно отсидеть и получать за каждый отсиженный день пятёрку, Лёнька смирился. На каждый вопрос, заданный второгодникам, он уже заранее знал все ответы. Ведь они их уже проходили в первом классе. Лёньке казалось странным, почему

его одноклассники не поняли всё это во время школьных занятий. Ведь объясняли же всем одинаково. По какой-то причине они ничего не поняли и теперь доучиваются, чтобы перейти во второй класс. А его за что тут держат? Чему его учат? Смирению, что ли?

И он, как и приказали, молча сидел в стороне от своих одноклассников на дальней парте в крайнем ряду.

Руки под партой. Ни слова не скажи. Это таким образом он исправлял свою двойку по поведению.

Но у парты есть крышка. Она поднимается. А между партой и крышкой всегда остаётся щель.

Первые дни в эту щель Лёнька разглядывал только свои руки. Через неделю он начал приносить в карманах солдатиков, привезённых ему папой из Москвы.

С виду он сидел смиренно, понурясь. Но его руки воевали. Иногда с двумя солдатиками, а иногда и с четырьмя сразу.

Главное, ничем себя не выдать учительнице и сдерживать себя, чтобы не сделать под-сказки особо «одарённым» одноклассникам, когда они «тормозили» от вопросов учительницы.

Если Лёнька не сдерживался, то Прасковья Антоновна сразу прерывала его:

– Макаров, сиди спокойно, – каждый раз прерывая попытки Лёньки вмешаться в процесс обучения.

– Ой, Прасковья Антоновна, я совсем забылся, – отвечал Лёнька и делал скорбную физиономию, вновь утыкаясь взглядом в парту.

После этого учителька про него забывала, и он мог спокойно продолжать играть в солда-тики.

Но вчера Таймураз принёс Лёньке патрон от мелкашки. И сейчас он держал его в руках. Под щелью он его разглядывал и так заинтересовался этим патроном, что потерял бдитель-ность.

Надо ним возвышалась Прасковья Антоновна. Она с треском откинула крышку парты и перед её всевидящим оком предстали Лёнькины шаловливые ручонки с неразряженным патроном в руках.

Прасковья Антоновна медленно изъела патрон из его рук, прошла к столу, сняла очки, спокойно выдохнула и тихим голосом произнесла:

– Макаров, марш отсюда. Чтобы я тебя больше здесь не видела до первого сентября.

От её приказа Лёньку смыло из класса с оставшимися тупариками, как волна прибоя смывает пену с береговых камней.

На улице его ждали Таймураз и Женька. Они долго смеялись после того, как Лёнька рассказал, что у него отняли патрон, и не жалели о его потере. Потом сорвались и с криками и гиканьем побежали вверх по дороге, вдоль Бадки к Поляне Растерях, второму мосту, на аль-пийские луга, где было так хорошо и свободно.

А вечером...

Папа с мамой разговаривали с Лёнькой целый вечер. Больше, конечно, говорил папа, объясняя всю недостойность Лёнькиного поведения.

А для того, чтобы показать, что их сын не такой уж и безобразный хулиган, Лёнька стоял перед ними, слушал их правильные слова и из его глаз градом лились правдивые слёзы, чтобы действительно доказать, что он и вправду всё сказанное осознал и собирается в кратчайшее время исправиться.

После долгих нравоучений мама взяла своего любимого сыночка на ручки и, наговорив ласковых слов, уложила спать. Слушая её успокаивающий голос, Лёнька заснул с одной мыс-

лю, чтобы все отстали от него и быстрее бы наступило завтра, когда снова можно побегать и поиграть с друзьями.

А что Лёнька мог поделаться с собой? Если ему так хотелось выяснить из чего же состоит этот патрон. И не виноват он в том, что Прасковья Антоновна обнаружила патрон в его руках. Ну, просто так получилось. Зато Лёнька провел после этого замечательный день в горных лугах вместе с Ляжкиным и Женькой.

* * *

Теперь, по просьбе мамы Лёньку пересадили, и он всегда находился под наблюдением у Прасковьи Антоновны. Мама радовалась, что из школы ей больше не звонили о его нарушениях, и что её сын всегда приносил только хорошие отметки. Женькина мама тоже осталась довольна, что её дочь учится хорошо и что она с Лёнькой больше не бежит в горы.

А эта тростиночка Женька постоянно косила глазом в Лёнькины тетради, а он специально отодвигал руку, чтобы она лучше видела правильные ответы в них. Лёнька старался так показывать свои тетради, чтобы и Прасковья Антоновна не видела этого и её сынок Свисток, сидевший на второй парте за ними, тоже ничего не разглядел.

У Свистка не работала правая рука после полиомиелита. Он всегда писал левой рукой, но если что и успевал заметить, то сразу же на перемене закладывал об этом своей маме.

Но когда Лёнька подставлял Женьке для списывания свою тетрадку, Свисток тоже старался списать с неё. И тогда он маме уже не рассказывал, что Лёнька помогает Женьке. Поэтому Прасковья Антоновна была уверена, что и её сынок, несмотря на атрофированную правую руку, всё равно самый умный мальчик.

Тогда Лёнька решил, что пусть так оно и будет, лишь бы Свисток не мешал ему и Женьке. А то иной раз этот, толстопузый задавака на переменках предлагал Женьке то пирожок, то чебурек. А Женька, как казалось Лёньке, всегда сторонилась Свистка. Но если мама давала Лёньке в школу бутерброды с колбасой, а иногда и с ветчиной, то Женька никогда не отказывалась от них. Если требовалось запить бутерброды, то Ляжкин бегал за водой, а Женька оставалась рядом с Лёнькой. Они ни о чём с ней не разговаривали. Просто красота её карих глаз всегда обвораживала Лёньку. Ему всегда хотел поделиться с ней всем самым лучшим, что он имел.

Мама знала об их дружбе и всегда давала Лёньке бутербродов на троих, а когда в доме стала жить домработница тётя Глаша, то она всегда спрашивала Лёньку:

– А Женька с Таймуразом тоже покушают на перемене?

У Лёньки в портфеле всегда оставлялось место для этих бутербродов.

* * *

А сегодня, когда закончились уроки, Лёнька вернулся домой. Поел и сделал уроки на завтра. Что делать дальше? Эта мысль терзала его больше всего.

Отрезав от булки кусок белого хлеба и намазав маслом, он посыпал его сахаром и решил выйти во двор. С таким богатством во дворе всегда кто-нибудь да встретится. Обязательно попросит «сорок», то есть откусить кусочек. Но сегодня во дворе он никого не увидел, поэтому откусил кусок от бутерброда и заорал во всю глотку:

– Черёма!!

Через некоторое время на его балконе открылась дверь и с перил свесилась Черёмина голова:

– Чего надо? – полушёпотом спросил он. – Бабка только заснула, – пояснил он свой шёпот.

Лёнька так же шёпотом позвал его:

– Спускайся, дело есть, – и показал ему на бутерброд.

Черёма облизнулся и, кивнув, что понял, что ему предлагают, через несколько минут сбежал вниз. Там они вместе доели огромный бутерброд, а когда он закончился, то в нерешительности посмотрели друг на друга.

– Ну, и что дальше? – уставился на Лёньку Черёма.

Вопрос озадачил Лёньку и он, задрав голову посмотрел на уходящие круто вверх склоны гор. И тут ему в голову пришла неожиданная мысль.

– Смотри. Видишь вон ту старую грушу на горе? – показал он пальцем на распадок между двух заросших деревьями склонов гор.

– Ну, вижу, – пробормотал Черёма и осторожно посмотрел на Лёньку, как будто предвидя очередную пакость, которую тот может предложить.

– Так вот, слушай, – с жаром, продолжил Лёнька, не обратив внимания на подозрительный взгляд друга. – Она настолько старая, что груши с неё не падают летом. А падают они только после первых холодов. И мы будем первыми, кто соберёт их. Мы их соберём и отдадим их нашим родителям. Они, знаешь, как будут от этого рады? Ты даже себе не представляешь!

У Черёмы и в самом деле в глазах появилась какая-то мысль.

– Точно. А давай и вправду их соберём, пока бабка спит, – бодро отреагировал он на заманчивое предложение.

Лёньку решительность друга подзадорила и они, сорвавшись со скамейки, выбежали со двора.

Зашли к Лёньке в сарай, где квохтали две курицы-несушки, взяли по пустому мешку, и медленно начали карабкаться в гору.

Папа Лёньке объяснил, что при подъёме в гору надо ступать на полную ступню и идти не торопясь, а то можно быстро устать и сил добраться до вершины не останется.

Поэтому мальчишки двигались неспеша.

Старая груша росла у ручья. Под её тенью всегда хорошо полежать летом и отдохнуть после подъёма. Под ней всегда чувствовалось спокойствие и уют, а в ручье, бьющим из-под скалы рядом, всегда можно набрать холодной воды.

Но ствол груши очень толстый и на неё невозможно взобраться, чтобы набрать плодов. Они всегда так заманчиво манили к себе, но из-за толщины ствола оставались недоступными, зато после первых заморозков сами падали на землю. А так как первые заморозки в горах уже прошли, то, чтобы набрать сладких и сочных плодов надо только забраться на гору.

Весной эта груша на горе выделялась своей белизной при цветении, а осенью – желтизной от плодов и пожухлых листьев. Из-под неё многие жители посёлка собирали урожай.

Вот и сейчас Лёнька надеялся, что они соберут вкусные, последние плоды.

Взбираться на гору трудно и долго. Уж очень отвесные горы окружали посёлок.

Если Лёнька с папой летом, когда они ходили за грибами, добирались туда почти час, то сейчас он решил сэкономить время, поэтому мальчишки карабкались до груши наикратчайшим путём. Черёма пыхтел, но молча полз за Лёнькой.

Однажды дед Георг показал ему эту тропу. Но он тогда предупредил, чтобы Лёнька никогда больше этой тропой не пользовался. Она, по его мнению, очень крутая и опасная. С неё можно легко свалиться вниз на острые камни, нагроможденные под обрывами.

Но сейчас Лёнька хотел срочно добраться до груши и нарушил обещание, данное деду Георгу.

Вот они и добрались до этой груши! Хотя земля уже и холодная, но мальчишки легли на мешки и долго смотрели в небо, стараясь отдышаться после подъёма.

Рядом журчал ручей. Вокруг тишина, только последние листья старой груши трепетали над ними, нарушая её своим шелестом. Мальчишки лежали и, ни о чём не думая, наслаждались тишиной и покоем. Они хотели только передохнуть, чтобы с новыми силами собрать плоды и вернуться домой.

Отдохнув, Лёнька огляделся. Вокруг лежало множество опавших жёлтых груш!

Зачерпнув из ручейка вкуснейшей воды, он напился и посмотрел на притихшего Черёму: – Ну, что? Давай собирать, – предложил он.

Тот нехотя поднялся, взял в рот, лежащий рядом с ним жёлтый плод и впился в него зубами, но тут глаза Черёмы округлились, и он застыл.

Откуда-то сверху донесся протяжный волчий вой, а потом ещё один и ещё...

У Лёньки от услышанного, всё внутри обмерло и непроизвольно вырвалось:

– Нас сейчас сожрут... – и он с ужасом уставился на Черёму.

Мальчишек пронизал такой страх, что они оцепенели. Протяжный волчий вой, о котором они слышали только по рассказам, холодил кровь, заставляя сердце сжиматься и отбивал напрочь все мысли, кроме одной – бежать, бежать и бежать. Драпать как можно подальше и как можно быстрее.

В страхе переглянувшись и забыв про мешки и урожай, за которым они взобрались на такую высоту, мальчишки сорвались с места и помчались вниз к посёлку. Мозг сверлила только одна мысль:

– Подальше, подальше от этих проклятых мест. Подальше от этой груши, от этого жуткого воя, от этого гиблого места, – и это мысль гнала их только вниз к дому.

– Mamочка, дорогая, спаси и защити меня. Я больше никогда ничего плохого делать не буду, – при каждом шаге и прыжке только и приговаривал Лёнька. – Я всегда тебя буду слушаться. Только люби и сбереги меня.

Черёма орал в голос то же самое, и они неслись вниз с воплями:

– А-а-а-а!!!

На очередном повороте Лёнька заметил, что Черёмы рядом с ним нет. Он куда-то исчез. И, как бы ему ни было страшно, он остановил бег и заорал:

– Черёма, ты где?!!!

В ответ ни звука и только тишина. А откуда-то сверху продолжал нестись страшный заунывный волчий вой:

– У-у-у-у.

Нет! Без Черёмы Лёнька не мог бежать домой! Поэтому он повернул назад и всё время орал, кричал и зывал:

– Черёма, Черёма, Вовка! Где ты, нас же убьют, сожрут! Появись. Ты где? Ты куда пропал? – от страха ему казалось, что Черёму уже сожрали и он больше его никогда не увидит.

Лёнька бегал кругами по склону и звал Черёму, а тот неожиданно появился откуда-то из-под земли.

– Лёнька! Ты чё орёшь? Иди сюда. Быстрее! Вытащи меня отсюда. – Прокричала Лёньке его голова, торчащая из-под земли.

Глаза на голове Черёмы круглые от страха, а щёки бледные и перемазанные грязью.

– Там мертвецы, скелеты. Там темно, – в страхе кричал он и протягивал Лёньке руки. – Забери меня! Быстрее бежим отсюда!

Лёнька протянул ему руку и помог выбраться из ямы. В руках Черёма держал какую-то короткую палку, на которую опирался, разгребая себе дорогу.

Черёма с Лёнькиной помощью выкарабкался из ямы, и они вновь рванули вниз подальше от этого страшного волчьего воя.

Уже внизу, почти у самых домов, мальчишки остановились и присели за сараями, чтобы перевести дух и по-прежнему глядя друг на друга ошалелыми глазами.

Такого страха Лёнька ещё никогда не испытывал. Но, посмотрев друг на друга, на свои испуганные лица, перепачканную одежду и руки, они долго-долго смеялись, тыча друг в друга пальцами. Потому что волчьего воя они уже не слышали и находились в безопасности. Вон он дом. Вон там люди. И нигде нет этих страшных волков. Им удалось от них убежать! Но этот смех после пережитого страха, они никак не могли унять.

Только потом, успокоившись, они поподробнее осмотрели себя. Как говорить, начали зализывать раны.

И тут обнаружилось, что в руках у Черёмы не палка, а железка.

Они попытались отчистить её от грязи и очень удивились ей.

Это оказывается не железка, а настоящий кинжал. Ножны, хоть и грязные, но в некоторых местах, они поблескивали серебром. Лезвие кинжала покрыто лёгкой ржавчиной, но притягивало своей красотой. На рукояти кинжала какие-то рисунки. Мальчишки с восхищением рассматривали находку Черёмы.

– Ты где это взял? – Лёнька с удивлением уставился на Черёму.

– Откуда я знаю, – так же непонимающе смотрел он на Лёньку. – Я провалился в яму. Что-то свалилось на меня. Я как заору. А на меня только скелеты смотрят. Страшно. Жуть! Я давай выкарабкиваться от них, а они за мной. Я орать, а один протянул мне палку, и махнул в сторону света. Я туда на четвереньках и выполз. А потом ты помог мне выбраться от этих смертей, – с ужасом рассказывал Черёма.

Лёнька посмотрел на него и только сейчас понял, какой страх испытал Вовка, пообщавшись с мертвецами, увиденных им в яме.

– Что будем делать с кинжалом? – Лёнька вертел в руках старинную вещь. – Нам же всё равно попадёт, – и в заключение решил: – Лучше уж сразу во всём признаться.

Черёма понимающе посмотрел на своего друга и невольно почесал зад.

– Чего ты его чешешь? Всё равно влетит! Давай сознаваться, – накинулся Лёнька на Черёму, стараясь побороть его нерешительность.

Черёма недовольно согласился и уже через несколько минут они подошли к дому. А там, на их случай невезучий стояли Лёнькина мама с тётей Галей.

По их озабоченным лицам мальчишки поняли, что они уже оббегали весь посёлок, потому что имели уж очень растрёпанный вид.

Мальчишек не лупили, а только схватили на руки и обливали слезами, обнимая и расцеловывая.

Несколько недель назад со скалы свалился и погиб Тутик, пацан из их дома.

Мамы с мальчишек тогда взяли обещание, что они никогда не будут ходить в горы одни. Мальчишки тогда им всё это обещали. Но сегодня так получилось, что они нарушили свои обещания.

Лёньку мама сразу посадила в ванну и отмывала от грязи тёплой водой. Она всё боялась, чтобы он не простудился. Потом, укутанного в тёплые полотенца, поила чаем с малиной.

Вечером пришла тётя Галя с этим злосчастным кинжалом и они с мамой держали совет. Что же с ним делать. Решили сдать его в музей.

Такое решение Лёньку несказанно обрадовало. Отлично! Завтра не надо идти в школу!

Утром к дому подъехал дядя Лаврик (папин шофёр) и они все вместе поехали в Тамийск. Там находился музей.

Черёма имел очень важный вид, когда отдавал кинжал директору музея. Он чувствовал себя абсолютным героем. Обычно после таких походов его лупили, как сидорову козу. Но сегодня он светился от гордости, и тётя Галя выглядела счастливой. Ведь её сын сделал такую важную находку.

На гору, в обнаруженную могилу, родители мальчишек больше не пустили, когда приехали люди из музея. Занимался этим дед Георг. Он и раньше знал про этот склеп. Но где он, так и не мог найти, а по рассказам Лёньки и Черёмы нашёл его.

И теперь частица истории осетинского народа находится в музее. Лёнькин класс как-то привозили туда. Ребята с интересом рассматривали уже очищенный кинжал, газыри и одежду людей, живших задолго до них.

Владивосток март 2013

Поджигатели

Уроки на сегодня закончены. Портфель брошен в угол комнаты, и Лёньке хотелось чем-то заняться. Он слонялся по комнате и не знал, что же такого сделать.

А делать есть всегда что. Ведь вчера папа дал ему почитать книгу про Гекельберри Финна и Тома Сойера. Об их невероятных приключениях на реке Миссисипи. Лёнька читал запоем о приключениях этих отважных мальчишек. И даже маму, когда она сказала, что надо идти спать, не послушался, а залез под одеяло, чтобы продолжить чтение об этих храбрецах.

С фонариком под одеялом читать душно. Лёнька покрывался потом, периодически открывая одеяло, чтобы охладиться, но желание узнать о новых приключениях, полюбившихся ему авантюристов, пересиливало все неудобства. Больше всего Лёньке понравилось спасение мальчишек на острове, где они палили костёр и искали еду, чтобы выжить.

Как же это всё сделать у них в посёлке? У них нет ни такой громадной реки, ни лодок, ни рабовладельцев, ни негров. У них есть только бешеная река Ардон и крутые горы. Но всё равно надо же как-то жить? С этой мыслью Лёнька метался по комнате, поглядывая на часы.

Потому-что скоро Черёмина бабушка закончит его кормить после школы и тогда он сможет спокойно выйти на улицу.

Но пока есть время, Лёнька взял авоську, сложил в неё с десяток картофелин, завернув их в газету, положил туда же спички и вынес всё это в коридор.

Стрелка часов приблизилась к двум часам и, решив, что кормление Черёмы закончено, Лёнька пулей вылетел из квартиры и побежал к подъезду Черёмы.

По пути ему попался Жаронд. Он, как всегда, что-то жевал. Длинная рыжая чёлка Жаронда мешала Лёньке рассмотреть его глаза и узнать, что у того на уме. Может быть, он опять затеет новую драку или даст подзатыльник. Всё зависело от его настроения.

Но сегодня Жаронд Лёньку не заметил. В руках он держал кусок хлеба с маслом, посыпанный сахаром, и упивался его вкусом. Что ему до малявки под ногами с авоськой за плечами, если в руках он держит такое богатство.

Незаметно прошмыгнув мимо Жаронда, Лёнька юркнул за угол.

– Черёма! – прокричал он в полголоса, остерегаясь того, чтобы ни Жаронд, ни Черёмина бабушка не услышали его крик.

Черёмина бабушка глуховата и не всегда слышала, что делается вокруг. Порой ребята этим и пользовались.

Но на Лёнькин крик Черёмина голова сразу же свесилась с балкона.

– Чего надо? Тихо. Бабка только уснула. – Прошептал он.

– Давай, иди сюда. – Махнул рукой своему другу Лёнька. – Дело есть, – шептал он, показывая на свёрток в авоське.

Глаза Черёмы оживились, и он одобрительно махнул Лёньке рукой. Мол, жди. Щас буду. Через минуту он уже стоял рядом с Лёнькой.

Мальчишки осторожно выглянули за угол. Где же Жаронд? Но его не увидели. Путь свободен! И выбежали со двора.

Отбежав подальше, присели за ближайшим сараем, чтобы перевести дыхание.

– Ну, чего надо? Чего кричал? Что это у тебя там, в авоське? – забросал Лёньку вопросами Черёма.

– Что, что? – недовольно и загадочно ответил он. – А ты читал про Гекельберри Финна и Тома Сойера, как они спаслись на острове?

– Нет, не читал, – удивился вопросу Черёма. – А откуда ты это взял?

– Да папа мне вчера дал эту книгу. Знаешь, как там у них всё было здорово. Они там чуть не умерли с голода на необитаемом острове, и только костёр смог спасти им жизни. Ты есть хочешь? – глядя в наивные глаза Черёмы поинтересовался Лёнька.

– Нет, – отрицательно покачав головой. – Меня бабушка уже покормила, – и, все ещё ничего не понимая, пожал плечами.

– Балбес, – возбуждённо продолжил Лёнька. – Не о еде идёт речь. А о том, как можно выжить без неё, – и принялся объяснять: – Надо просто развести костёр и спастись тем, что есть в руках. Вот мы и пожарим в нём картошку, – с восторгом закончил он объяснения.

– Так, где же её взять, эту картошку? – удивился Черёма, но, взглянул на авоську, радостно воскликнул. – Так мы спасены! У нас есть средство для выживания! Я знаю место, где мы можем спасти наши жизни! За мной! – скомандовал он и ребята полезли в гору.

Недавно там построили последний сарай из катаных брёвен. Его задняя стена почти входила в основание горы и хозяева сарая привалили её большими камнями.

Внутри сарая слышалось блеяние овец и из него шёл тёплый запах кошары. Вот тут мальчишки и решили развести костёр для выживания.

Насобирав небольшую кучку щепок и мелких веток, они привалили их к брёвнам сарая и уложили шалашиком, а внутрь подсунули газетку, в которую Лёнька завернул картошку.

С первой спички костёр не загорелся, но со второй попытки он вспыхнул и горел почти бездымно. Мальчишки начали подкладывать в него картошку. Как только её бока начинали чернеть, они её переворачивали палочками и пробовали на мягкость.

От копоти костра и, начинающих чернеть брёвен сарая, дыма становилось всё больше и больше.

Довольный, что у них всё получилось, Лёнька радостно смотрел на Черёму. Лицо его выглядел так же, как и у Тома Сойера, закопчённое, а губы точно, как негритянские. Так ребята закоптились от костра и его дыма.

Они от этого смеялись, показывая друг на друга пальцами и ели полусырую картошку, хоть и твёрдую, но до безумия вкусную.

Если оторвать подгоревший край, то она там оказывалась даже сладкой. Мальчишки чувствовали себя на необитаемом острове, на котором им удалось выжить.

Но тут перед ними вырос здоровенный мужик, что-то орущий по-осетински. Он сграбастал мальчишек в охапку, вытащил из-под крыши сарая и вцепился им в уши. И тут уже по-русски начал кричать на них.

– Вы что надэлали!? Вы зачем захотели загореть мой сарай? Где твой родители? Они мнэ сейчас за всё заплатят! Я вам всё ваши уши оторву!

Лёнька с Черёмой от такого отношения к своим персонам только орали, вопили и визжали от боли и неожиданности, что их спасение на необитаемом острове так печально закончилось.

А в это время какие-то женщины заливали костёр водой и громко-громко причитали.

И вот так, визжащих, орущих от страха, перепуганных, прокопченных, этот страшный мужик дотащил до дома.

А там во дворе стояли Лёнькина мама и тётя Галя. Мама Черёмы. Они потеряли своих сорванцов и пытались их найти.

Мужик бросил мальчишек к ногам матерей.

– Ви знаетэ, что они только что не сожгли мой дом и моих баранов? Куда ви смотрела? Ви что не можете смотреть за своими дэтями? Если у мэнэ что-нибудь сгорело, ты будэшэ платить, – грозно пообещал он, развернулся и ушёл.

Ну а теперь наступило самое страшное. Расплата за содеянное.

Тётя Галя взяла своего сыночка за шиворот, а затем последовал и Лёнькин черёд.

Его так же за шкварник, без всяких рассусоливаний затащили в квартиру и долго-долго воспитывали через одно очень доходчивое место.

А утром, как всегда, тётя Галя во дворе попросила Лёнькину маму довести своего сыночка до школы. У мамы ещё оставалось время перед работой сделать это, а до поликлиники, где работала тётя Галя, очень далеко, и поэтому она сильно торопилась.

– Ты уж и моего пожарника прихвати, – усмехаясь, попросила она Лёнькину маму.

Взъерошенный Черёма выглянул из-за юбки матери и посмотрел на Лёньку невинными глазами. Когда его мама ушла, Лёнька шепнул своему другу:

– Ну, что? Лупили?

Тот, поёжившись, кивнул, а Лёнька заговорщицки прошептал:

– И меня тоже. Но зато мы знаем, как выживают индейцы, – и ободряюще подмигнул Черёме, на что тот только улыбнулся.

Мама взяла ребят за руки и повела в школу. А они, иной раз, когда обгоняли её, смотрели друг другу в глаза и, понимая, смеялись.

Владивосток 2013 год

Картошка

(записано по воспоминаниям школьника)

На этой неделе папа пришёл домой и сообщил приятную новость, что ему выделили участок земли, находящийся в Бадском ущелье. Сейчас туда надо доставить трактор, который распашет землю для всех желающих посадить картошку, чем папа и займется в ближайшие дни.

И вот, в субботу вечером, папа пришёл с работы домой счастливый и довольный:

– Всё, земля распахана! – радостно сообщил он маме. – Завтра мы поедem сажать картошку. Для этого я в сарай привёз два мешка мелкой картошки для посадки, – пояснил он, увидев её удивление.

Папа планировал сделать погреб в сарае, куда можно складывать будущий урожай.

С погребом пока дело не сдвинулось с места, но Лёнька знал, что во втором помещении сарая, папа обязательно сделает яму под него.

Там надо только распилить пол и выкопать для него глубокую яму, а потом досками зашить стены.

Папа знал, как это делается, и уже несколько раз рассказывал Лёньке, как он сам помогал своему папе строить такой же погреб. Ну, и, конечно, он очень хотел, чтобы в этом помогали ему его сыновья. Лёнька очень хотел помогать папе в строительстве погреба, но Вовка, его средний брат, не особо радостно воспринял это событие. Ну, а куда он денется, если папа захочет привлечь своих сыновей к такой важной работе. Будет копать, как миленький.

Поэтому, сегодня, в субботу Лёнька чуть ли не прыгал от радости, что завтра он поедет в горы на поля и будет там сажать картошку.

Вечером Лёнька с трудом уснул, но утром проснулся самый первый.

Будильник ещё не зазвонил, как он уже встал и пошёл проверить, сколько же сейчас времени.

В детской комнате на стене висели гиревые часы с маятником. Их надо заводить каждый день. Для этого одну гирию приходилось каждое утро оттягивать до отказа вниз.

Папа как-то раз привез Лёньке конструктор для сборки часов, и он сам его собрал. Получились часы с кукушкой. Но кукушка почему-то перестала выскакивать и куковать. Этому все обрадовались. А то, поначалу, кукушка куковала ночью каждый час и никому не давала спать.

Ну а часы, всё равно шли, хоть и показывали цену масла на Луне. За сутки они убегали на пять минут вперед, а то и более. Поэтому, Лёньке приходилось каждое утро вставать, подводить гири и сравнивать время с часами, стоявшими на кухне.

Кухонные часы старинные и они всегда показывали точное время, несмотря на свой почтенный возраст.

Встав с кровати, Лёнька осторожно, чтобы не разбудить маму, пошёл посмотреть на кухню, сколько сейчас времени.

Но мама всё равно услышала, что он встал и тоже поднялась. Она начала готовить завтрак, а Лёнька старался ей помочь в этом.

Скорее всего, он мешал маме, но она, при любой возможности, гладила его по голове и одаривала улыбкой.

Потом они вместе принялись готовиться к сегодняшнему путешествию.

Лёнька с вечера приготовил себе всю одежду, которая бы понадобилась для сегодняшней поездки.

Мама разбудила папу, растолкала Вовку, заставила всех умыться, одеться и они сели завтракать.

В конце завтрака раздался телефонный звонок.

Папа вышел в коридор и поднял трубку телефона.

Это звонил шофер дядя Гриша. Он доложил, что машина готова и спрашивал о времени, когда можно подъехать.

– Подъезжай, хоть сейчас. Мы уже готовы к выезду, – сказал папа в трубку, а потом скомандовал: – Всем собираться! Сейчас выезжаем.

Мальчишки сразу же кинулись к сложенным сумкам и через пару минут вышли на лестничную площадку.

Мама заперла дверь, и все спустились во двор.

Машина к этому времени уже стояла внизу.

Дядя Гриша вышел из своего знаменитого ГАЗИКА с брезентовым верхом и помог папе сложить вещи в багажник.

От дома дядя Гриша поехал по мосту через реку Ардон, а потом по улице до школы, откуда начиналась дорога в Бадкинское ущелье.

Дорога шла круто вверх. Мотор машины нутно гудел, но дядя Гриша уверенно вел её вверх по неровной и извилистой грунтовой дороге.

Машину кидало то влево, то вправо. Но, дядя Гриша очень опытный шофёр и поэтому по узкой, каменистой дороге ехал всё выше и выше.

Доехали до первого моста. Не стали останавливаться и пересекли его. Дальше шли второй мост, третий и четвертый.

В ущелье было темно из-за отвесных скал, заслоняющих солнце. Там слышался только рокот необузданных вод Бадки.

Хоть полноводье спало, и первая вода после таяния снегов ушла, а Бадка стала намного мельче, но всё равно, она грозно шумела. Брызги пены с камней, иной раз, когда машина переезжала через мосты, попадали на лобовые стекла.

После четвертого моста машина выехала в долину.

Бадкинское ущелье в этом месте раздавалось и взгляду открывалась широкая долина с пологими горами по обе её стороны, где по дну текла речка Бадка. Это сейчас она была Бадкой с чистой, прозрачной водой, мирно тёкшей между громадными валунами. А ранней весной или в конце лета, её уважительно называли Баддон, рокошующий почти чёрной водой и перекачивающий громадные валуны по руслу своего течения.

Вдали виднелись заснеженные пики гор, а слева и справа располагались пологие, поросшие редкими соснами, горы.

* * *

В своё время, наверное, сосен здесь росло много. Но бельгийцы, строившие поселок и проводящие разведку полиметаллов в этих районах, безжалостно вырубали все леса, а сосны, оставшиеся только на вершинах, сами со временем засеяли новой порослью склоны гор. И то, они занимали только верхнюю часть пологих склонов.

А летом здесь на склонах вырастала сочная, зеленая трава, чуть ли не по пояс Лёнке.

В некоторых местах яркими багровыми пятнами цвели маковые поля.

Везде простиралось бешеное разнотравье. Воздух насыщался ароматом трав и цветов, а вокруг стояла тишина и покой.

Лёнька знал о том, что чем выше поднимаешься вверх по пологим склонам гор, тем меньше слышался шум Бадки. Это он ощутил, когда со своими друзьями носился здесь по альпийским лугам.

Здесь, на этих пологих склонах, стояла абсолютнейшая тишина, нарушаемая только шелестом трав, сдобренная запахом хвойных деревьев.

Под этими соснами это уже, когда Лёнька ходил туда в июле или в августе с родителями, они нашли множество грибов. Особенно маслят и рыжиков.

Собирать грибы всегда ходили всей семьёй. Но это случалось только тогда, когда папа оказывался свободным от работы в выходные дни.

Они возвращались домой с полными сумками и корзинами грибов, и мама всегда готовила из них жарёху с картошкой.

Остатки она резала на кусочки и вывешивала сушиться в чистом, сбитом из сосновых досок сарае. В нём всегда хорошо пахло свежестью и смолой. А если грибов оказывалось очень много, то она их мариновала и закатывала в банки.

Если папа по выходным дням не уезжал на работу, то для мальчишек наступал праздник. Они тогда с папой ходили на рыбалку. Хотя Бадка и мелкая речка в летнее время, но в ней водилась форель.

В такие рыбацкие дни иногда удавалось поймать по несколько рыбёшек, которые потом жарили дома и с удовольствием съедали.

А если папа уезжал на рудники в свои выходные дни, то он иногда брал Лёньку с собой.

Там они ходили по штольням и спускались на клетки в шахты.

* * *

После выезда в долину дорога стала уже не такой крутой. ГАЗИК медленно ехал по грунтовой дороге, а Лёнька с удовольствием смотрел по сторонам, вспоминая, как он тут самостоятельно или с друзьями ходил и где рыбачил.

Проехали небольшой аул. Единственная его улица смотрелась безлюдной, хотя в домах жили люди.

Машина ехала вперед, всё выше и выше взбираясь к началу ущелья, туда, где высились пики заснеженных гор.

Тут проходило ещё несколько дорог.

Одна из них шла через Бадку, представляющую собой в этом месте огромную лужу, и поднималась налево наверх, но уже круто. Эта дорога с небольшим серпантином шла высоко вверх к сигнальной башне, а другая дорога уходила к перевалу и снежным пикам высоких гор.

Со старинной сигнальной башни их поселка эта башня не просматривалась, виднелась только соседняя. Мальчишкам взрослые говорили, что если на башню, стоящую над их посёлком залезть, то с неё можно рассмотреть ещё две соседние башни, а с них уже и эту сигнальную башню Бадкинского ущелья.

Таким образом, горцы предупреждали друг друга о появлении врага ещё в древние времена.

Сейчас эта башня стояла полуразрушенной. В ней ничего особенного и интересного Лёнька не заметил.

Но, когда машина поравнялась с ней, то мама увидела, что мальчишкам уже не сидится в машине и попросила дядю Гришу остановиться и выпустила Лёньку с Вовкой со словами:

– Только будьте осторожны. Посмотрите, что находится в башне и сразу возвращайтесь к машине. Смотрите, не напоритесь на Кошца Бессмертного! – пошутила она и серьёзно добавила: – Мы сейчас будем сажать картошку, а без вашей помощи нам никак нельзя обойтись, – и ещё раз напомнила, выпуская ребят на свободу: – Только будьте осторожны!

Это она вовремя сказала об их помощи. Таким образом мама объяснила, что мальчишки очень нужны при посадке картошки и что им не стоит надолго задерживаться в башне.

Кивнув маме, что её поняли, Лёнька с Вовкой вырвались из машины и помчались к башне.

Подбежав к её стенам, исследовательский пыл от вида таинственных обомшелых древних стен поуменьшился.

Вместо дверей в башне на них смотрел страшный тёмный провал в стене.

Из внутренних помещений башни тянуло сыростью и какой-то непонятной таинственностью. Башня всё больше и больше призывала их войти внутрь, как бы маня к себе.

Ещё страшнее оказалось заглянуть в проём выломанной двери. Вдруг и вправду оттуда выпрыгнет какое-нибудь чудище.

Но, переборов невольный страх, Лёнька все-таки собрался с духом и заглянул в проём двери.

Внутри оказалось сыро, темно, а на полу что-то валялось. В темноте он не смог рассмотреть, что же именно там находилось.

Его сдерживал какой-то внутренний страх войти в эту проломленную дверь, не говоря уже о том, чтобы подняться по лестнице, ведущую в темноте куда-то вверх.

Поэтому он отскочили от тёмной страшной двери и вместе с Вовкой побежал наверх к машине, остановившейся метрах в пятидесяти выше от этой таинственной и страшной башни.

Дядя Гриша поставил машину поперек склона.

Тут же на чуть зазеленевшей полянке мама расстелила скатерти и поставила рядом с ней сумки с едой.

Увидев бегущих к ней сыновей, она расставила руки, а поймав их, расцеловала, с любовью приговаривая:

– Ну, что, исследователи мои? Страшно стало? А это, – мама указала на сумки, – мы потом поедем. А сейчас будем сажать картошку! – торжественно заявила она и позвала ребят: – Пошли! Помощники вы мои! – и, распрямившись, выпустила сыновей из рук.

К ним подошло несколько человек. Папа поздоровался с ними и попросил, чтобы они показали, где находится его участок.

Трактор распахал весь склон равномерно, поэтому было очень трудно определить, где чей участок находится.

Землемеры подходили к каждой подъехавшей машине и показывали, куда надо ехать и где сажать картошку.

После осмотра участка папа с дядей Гришей вытащили мешки с картошкой для посадки, ведра и лопаты.

Сначала Лёнька тоже хватанул лопату и копнул рыхлую землю. Появилась небольшая лунка. Мама с усмешкой посоветовала:

– Глубже копай, – она стояла рядом с ним, с интересом наблюдая за потугами сына. – Надо ещё глубже копать, – настаивала она.

Но, глубже копать у Лёньки не получалось.

Увидев его бессилие, она отстранила «помощника», забрала лопату и предложила:

– Давай так. Я буду копать лунки, а ты мне будешь помогать. Будешь складывать в них по две, три картошки. Потом я её закопаю, а через некоторое время оттуда вырастет росток. Потом нам придётся сюда ещё раз приехать и окучить эти ростки. А потом мы ещё раз приедем сюда и проверим, как тут всё растет и прополем поле от сорняков. А вот уже осенью будем собирать урожай, – закончила она свои объяснения.

Лёньку очень интересовало всё то, о чём ему рассказала мама и когда они соберут урожай.

Ну, а что такое осенью – это для него прозвучало непонятно. Потому что ещё даже не закончилась весна, а мама уже говорила о какой-то осени.

Но, отбросив сомнения, он принялся помогать маме. Потому что мама лучше знает, когда и что случиться. Так что Лёнька безропотно собрался ждать далёкой осени.

А сейчас он взял ведро и набрал в него картошки из мешка. Ведро таскать вслед за мамой оказалось не так-то и легко. Но он крепился и не показывал маме свою усталость.

Мама выкапывала лунки, а он складывал туда картошку. Мама знала, как это делать, потому что она недавно рассказывала Лёньке, что её точно так же учила мама, как сажать картошку, когда она была маленькой девочкой.

Им тоже во время войны выделили участок, и она вместе со своей мамой в городе Родники Ивановской области там сажала картошку, спасшую их от голода.

Ну, а папа лучше всех знал, как сажать картошку, потому что в Сибири в городе Бийске, где он жил во время войны, никто кроме него этого делать не мог в их семье. Потому что все мужчины ушли на фронт, а в доме он оставался за старшего. Он всегда вспоминал, что когда приехала вся родня из блокадного Ленинграда, то они все были худые, щуплые, вшивые и полуголодные, а картошка спасла их от голода. Все они тогда питались только ей и хлебом, который продавался по хлебным карточкам.

Лёнька работал с мамой, а папа взял себе в помощь Вовку и пошёл на другой край поля. Дядя Гриша тоже взял ведро, чтобы кое в чём помочь, а не сидеть без дела.

Спустя некоторое время Лёньке уже порядком надоело это занятие. Однообразно кидать в лунки картошку и делать такую нудную работу, результатов которой в ближайшее время не предвиделось. А где та осень и что этой осенью произойдёт, он сейчас даже не представлял.

Мама, видя, что Лёнька потерял былой энтузиазм, отпустила его с напутствием:

– Ладно уж. Идите с Вовой погуляйте и посмотрите на наших соседей. Вон там, видишь, и друзья твои школьные, – указала она на соседний участок. – Сбегай, проведай их.

Её предложению Лёнька обрадовался и, как только его выпустили на свободу, побежал наверх, посмотреть, кто и что сажает на этом поле.

Недалеко находился участок, где папин директор тоже сажал картошку. Около него вертелся его школьный товарищ Борька.

Они с Борькой побегали, а потом он обратился к сознательности Лёньки:

– А чего это я буду бегать, когда папа работает? Мне надо с ним работать.

– Ну, тогда и я пойду помогать своим, – согласился с ним Лёнька.

Тогда он ещё подумал:

«Как это так! Борька будет помогать, а я не буду».

Поэтому Лёнька с Вовкой вернулись к родителям, чтобы продолжить прежнюю работу.

Покопали ещё немножко, после чего мама громко позвала папу и дядю Гришу:

– Мужчины! А не желаете ли перекусить?!

Все устали. Ведь время перевалило уже далеко за полдень.

Мама достала еду из сумок, приготовленную с вечера, и разложила её по тарелкам, расставленным на расстеленной скатерти.

Когда она всё разложила, то все дружно принялись за еду.

Закончив есть, дядя Гриша с папой закурили и что-то начали обсуждать, а мама молча их слушала.

А мальчишкам, что оставалось делать? Взрослые разговоры их не интересовали.

Рядом стояла машина. Вот они и залезли в неё.

А так как Лёнька уже знал, что такое руль и где и какие педали находятся, то представлял себя бывалым водителем.

Усевшись на водительское сиденье, он принялся крутить рулём и изображал гудение мотора.

Под воздействием своих «водительских способностей» и воображая, что он куда-то едет, он сдёрнул с места рычаг скоростей, а на ручном тормозе нажал блестящую кнопку и двинул его вперёд. И тут... Машина самопроизвольно медленно начала катиться по склону.

Хорошо, что дядя Гриша поставил её поперек склона. Уклон этого склона оказался небольшим.

От страха, что машина начала куда-то ехать, Лёнька уже не знал, что ему делать дальше, чтобы её остановить.

Он ухватился за рукоятку ручного тормоза и принялся со всей силы нажимать на его блестящую кнопку, предполагая, что от этого машина может остановиться.

На «ГАЗ-69» справа от водителя установлена рукоятка ручного тормоза и сверху неё находилась блестящая кнопка. Требовалось нажать на эту кнопку и потянуть рычаг на себя. Даже можно и не нажимать кнопку, а просто дернуть рычаг на себя.

Но Лёнька этого не знал и, уцепившись за этот рычаг, со всей силы нажимал только на кнопку, предполагая, что машина от этого остановится.

Но, машина всё равно сама куда-то медленно ехала, постепенно начиная разгоняться.

Вдруг раздался истошный крик мамы:

– Машина поехала!!! Там мальчишки!!!

Ну, а потом уже, что происходило, Лёнька вспоминал только по рассказам папы:

– Гриша вскочил. С какой скоростью он промчался к машине, я не знаю, но он догнал её, открыл водительскую дверь и быстро запрыгнул в кабину, а потом машина сразу встала.

Дядя Гриша резко распахнул дверь, вытолкнул Лёньку с водительского сиденья и взвел ручной тормоз. Нажав на педали тормоза и сцепления, поставил рукоятку передач на скорость.

– Ты что наделал? – гневно закричал он на Лёньку.

А что оставалось делать? Лёнька от испуга только мямлил:

– А я только тут вот эту ручечку дёрнул, – хотел дурачком прикинуться он.

– Какую ручечку? – грозно смотрел на обалдевшего Лёньку дядя Гриша. – Я ж тебе рассказывал, что это не ручечка, а это ручной тормоз. А вот эту, зачем ты дергал? – указал он на рукоятку передач. – Вот эту ручку ты дергал? – продолжил он свой допрос.

Пришлось Лёньке и тут сознаваться:

– И эту дергал, – всё так же виновато бубнил он.

– Зачем ты её дергал? – гневно отчитывал он Лёньку. – Это же рычаг скоростей. Она же у меня стояла на скорости, а ты её поставил на нейтралку. Зачем ты это сделал?

Ну, а что оставалось говорить, если всё уже сделано?

Тут к машине подскочила мама. Она распахнула пассажирскую дверь, где, скрючившись сидел Лёнька. Она схватила его в объятия и, заливаясь слезами, начала причитать.

– Ты живой? Ой-ё-ёй!!! Нигде не ударился? Ой-ё-ёй!!! А Вова где?

Она ещё не успела и произнести этих слов, как Лёнька услышал грозный голос папы, скорее всего напоминающий не голос человека, а больше смахивающий на рычание медведя.

– Кто был тут у вас самый главный? – папа гневно уставился на братьев.

Вовка, желая оказаться в нейтральной позиции, сразу указал пальцем на Лёньку:

– Это не я. Это все Лёнька сделал. Я тут только сидел, – показывая пальцем на заднее сиденье, где так и сидел.

Мама с криком оторвалась от Лёньки, перебежала к задней двери и вытащила оттуда Вовку с теми же причитаниями:

– А с тобой всё хорошо? Ой-ё-ёй!!! Ты не ушибся? Ой-ё-ёй, – громко во весь голос плакала она.

Когда проём двери освободился, то его полностью загородил папа. Он за шиворот, не обращая внимания на Лёнькины вопли, вытащил его из машины.

Потом несколько раз поддал ему под зад рукой и выдал ощутимого подзатыльника.

От этих отеческих прикосновений папиной руки Лёнька кубарем покатился по склону.

Мама, увидев папину расправу, закричала:

– Не трогай! Не бей его! Слава богу, они живые. Зачем ты его трогаешь? – сквозь рыдания кричала она папе.

Бросив Вовку, она кинулась к Лёньке и у того проскочила спасительная мысль:

«Ну, всё. Если мама заступилась, значит, лупить больше не будут».

Осторожно подняв голову, он посмотрел на папу, грозно стоявшего над ним.

Тут уже к Лёньке подбежала мама и, схватив его в объятия, принялась ощупывать:

– Ты целый? Целый? Ничего не болит? – приговаривала она, а её слезы так и омывали его лицо.

Освободившись от маминых объятий, Лёнька пробубнил:

– Да целый я, мам, целый. Ничего со мной не случилось.

– Ой, как хорошо, что Гриша поставил машину поперёк склона, и она не поехала вниз, – по-прежнему причитала мама. – Как хорошо! Ой, Гриша! Какой же ты предусмотрительный! Какой же ты молодец!

Лёнька посмотрел на машину. И точно, если бы машина стояла носом вниз, а склон шёл с уклоном примерно в тридцать градусов, то она бы по этому склону разогналась, а через метров сто поле заканчивалось и там находился обрыв, отвесно идущий вниз не меньше, чем на сто метров. Вот тогда бы машина полетела с него вниз. И, неизвестно, что бы вообще могло остаться от него с братом.

Это уже потом, когда все сидели и рассуждали о происшедшем событии и обо всём ужасе, который пришлось пережить каждому, высказывались эти предположения.

Только тогда Лёнька понял, какую он совершил ошибку. Как, зачем и почему он начал дёргать рычаги? Он до сих пор не мог понять. Хотя, в глубине души понимал, что он так вошёл в роль водителя, когда разыгрался, что просто не заметил, как это само собой получилось.

Мама, видя, что папа очень сердит на Лёньку и хочет ему оторвать башку, присела возле него, обняла и ласково попросила:

– Вова, не бей Лёнечку. Ну, сделал он ошибку. Ну, подумаешь, – она ласково заглянула папе в глаза и поцеловала его. – С кем этого не бывает? Но они же оба живы и оба здоровы. Спасибо Грише, что он успел к ним, – и она с благодарностью посмотрела на дядю Гришу.

Папа пересилил себя и пообещал маме:

– Ну, ладно... Я его трогать не буду. Но смотри, – он грозно покачал пальцем перед Лёнькиным носом, – ещё раз залезешь в машину без моего разрешения, вот тогда тебе уже точно не избежать ни порки, ни всего остального. Понятно? – пальчики у папы имели внушительный размер, как примерно три Лёнькиных.

Если представить, что ладонью, составленной из этих пальчиков, будут проводиться воспитательные действия, то... У Лёньки даже холодок прошёл по спине от ощущения папиной ладони на определенных местах. Поэтому ему всё сразу стало понятно.

А что тут непонятного?! И он с радостью закивал, с облегчением подумав:

«Уф! Все! Лупить не будут», – но папе ответил покорно и смиренно:

– Да, папа. Я всё понял, папа.

Ну, а то, что Лёнька понял, то это да. Такой ладошкой ему перепадало не один раз. Поэтому сейчас ему с ней очень не хотелось знакомиться заново.

Через несколько дней папа счастливый и довольный вернулся с работы и радостно сообщил маме:

– А у нас очередь подходит на машину! Так что можно будет «Москвич» купить! Наша очередь подходит как раз на него.

Тут маму чуть ли не подбросило со стула от папиных слов:

– Никаких машин! Никогда в этом доме больше не будет ни одной машины! – чуть ли не закричала она. – Хватит мне того, что они еле живы остались, – кивнула она на примолкших сыновей. – Тебя возят? – уже более спокойно обратилась она к папе и, получив утвердительный кивок, продолжила: – Вот пусть тебя и возят, а машины в этом доме больше никогда не будет, – при этом она топнула ногой и, для лучшего понимания, махнула рукой с оттопыренным пальцем.

Мама всё так решительно заявила, что сразу стало понятно, что от своего она не отступится. Папа сразу это понял. Он только что-то недовольно пробурчал, но подчинился.

Так что до конца его рабочей деятельности машину он так и не купил. Его возили только прикрепленные к нему шоферы.

Папа купил свою первую машину только тогда, когда уже ушёл на пенсию. Им оказался новый «Москвич».

Да! Почему-то именно «Москвич». Вот уж папа его центровал!..

То он ему бампер ломает, то передний, то задний, то фару. То одну, то другую, а то и что-нибудь ещё...

В конце концов, когда они уезжали из Касимова, он с облегчением продал этот многострадальный «Москвич» и после этого у него действительно никогда больше не было машины.

(Дополнил этот рассказ я уже сам через много лет. Первоначальная орфография рассказа школьника сохранена.)

Февраль 2018 Владивосток

Поболел

Лёнька проснулся утром от того, что всё его тело чесалось. Он чесал его то здесь, то там. Но чесалось везде. Зуд невыносимый. И, с мелким повизгиванием и стенаниями, он поплёлся к маме.

Мама ещё спала, но он лёг к ней под бочок и, скуля от непреодолимого желания почесаться, толкал её в бок:

– Мам, я весь чешусь, мне плохо. Мам, ну проснись. Я чешусь, – со слезами просил он маму.

Мама сразу проснулась, включила свет и, осмотрев сына, всплеснула руками:

– Боже мой, что же с тобой стряслось? – запричитала она.

Лёнька лежал в постели и, на самом деле, чувствовал себя плохо. Руки сами тянулись туда, где всё у него зудело и чесалось.

Мама протёрла его мокрым полотенцем с каким-то снадобьем, но зуд не утихал. Тогда она позвонила тётке Гале, Черёминой маме, с просьбой прийти и осмотреть заболевшего Лёньку.

Вердикт тёти Гали оказался прост:

– Вези его к Собанову в Верхний Згид. Он в этом деле специалист.

Папу тоже подняли по тревоге, и он бегал между Лёнькой, тёткой Галей и мамой. Но, когда узнал, что нужно ехать, то сразу вызвал дядю Лаврика, своего личного шофёра.

Тот приехал через полчаса. Лёньку на руках снесли вниз к машине, такого больного, несчастного и бессильного.

Он лежал на заднем сиденье и с удовольствием слышал из уст папы и дяди Лаврика, что он ужасно болен и болен он, к тому же, ещё какой-то неизвестной болезнью. Поэтому надо как можно быстрее везти несчастного Лёньку в больницу к доктору Собанову на срочное лечение.

От этих слов Лёнька ещё больше разболелся и ему, в самом деле, стало плохо. Слезы лились у него из глаз, а папа, стараясь облегчить страдания сына, пересел на заднее сиденье, чтобы взять его на руки.

Лёнька прижался к папе и, почувствовав родное, любимое тепло, заснул, несмотря на все ухабы и серпантины горных дорог.

Машина прошла Садон и начала взбираться по крутым серпантинам вверх до самого Верхнего Згида. Лёнька периодически просыпался, смотрел в окно, но в тёплых и сильных папиных руках засыпал снова.

Осмотрев пациента, дядя Вася Собанов решил:

– Оставляйте его здесь в больнице. Я сделаю всё возможное. Но только чаще навещайте к нему. Он же ещё ребёнок. Поддержка родителей ему будет лучшим лекарством.

Лёньку переодели в пижамку, медсестра взяла за руку и попыталась увести в палату, но тут из его глаз вновь сами собой полились слёзы.

Что это значит? Что, его тут бросают одного, больного и никому не нужного? Все отказались от него! Значит, никому он такой больной уже не нужен! О! О! Уау! Уау!

Лёнька нешуточно рыдал навзрыд. Но Собанов взял его за руку и повёл по коридору в палату. Папа остался где-то вдалеке. Лёнька тянулся к нему руками, но его уводили от папы всё дальше и дальше.

Собанов завёл Лёньку в палату и усадил на кровать. И, уже по-осетински, обратился к мужчинам в палате:

– Мужчины, вы видите, что это ещё ребёнок. Успокойте его, пожалуйста. Сделайте для него всё самое лучшее. Я вас очень прошу.

И уже по-русски продолжил:

– Лёня, слушайся их. Это очень хорошие люди. Они помогут тебе.

Со всех коек послышались одобрительные возгласы:

– Ты не волнуйся, доктор.

– Будь спокоен.

– Ничего с ним не случится. Не переживай. Иди.

Дядя Вася поцеловал Лёньку в голову и ушёл, а ему от этого стало ещё хуже. Слёзы лились сами собой. Рывания сотрясали плечи этого всеми забытого и брошенного ребёнка.

Но тут к Лёньке стали подходить мужчины, находившиеся в палате.

Каждый старался сказать ему доброе слово и чем-то утешить, а их басовитые голоса начали успокаивать. Подавив рыдания, Лёнька осмотрел тех, кто хотел его пожалеть.

Один из них с перевязанной рукой, другой на костыле. У того, кто держал Лёньку за плечи, перевязана голова. А тот, который лежал напротив его кровати, доброжелательно улыбался.

– Нэ пэрэживай. Нэ надо плакать. Мама всё равно нэ услышит тэбя. Ты у нас гость. А гостям надо делать подарки. На. Возьми, – и протянул яблоко.

Не зная почему, но Лёнька впился в него зубами и, ещё непроизвольно всхлипывая от недавних рыданий, смотрел на этих больных дядек. Неужели им больнее, чем ему и они не плачут? Неужели им так плохо, а они такие весёлые, что разговаривают с ним? Как же всё это происходит? И почему это всё сейчас происходит с ним?

Слёзы сами собой высохли, но икота от прежних рыданий всё ещё сотрясала Лёнькины плечи. Ему уже стало интересно, что же это за дядьки такие и что они здесь делают.

А они, увидев, что худенький паренёк перестал рыдать, сами развеселились, заулыбались и каждый из них старался обнять Лёньку за плечи, посадить к себе на койку, погладить по голове и сказать ободряющие слова.

Лёнька успокоился и сам попытался рассказать им о приключениях в школе, о своём друге Черёме, о братьях и о многом том, что считал очень важным.

Какими же они оказались великодушными и добрыми эти горцы! Они внимательно выслушивали Лёньку, понимающе смотрели в его глаза, гладили большими шершавыми ладонями по голове и каждый из них старался пригласить к себе на кровать и чем-нибудь угостить.

Только Азамат, что лежал напротив Лёнькиной кровати, не вставал. Он здоровой рукой поймал его, сгрёб в охапку, когда Лёнька хотел прошмыгнуть мимо, и шепнул:

– А посмотри, что у меня есть в тумбочке, – и открыл её дверцу, из которой вырвался дух свежего фытчина.

– Бери, бери, – доброжелательно предлагал он. – Заодно и мне отломишь кусок. А вот и молоко. Очень полезное. Это от моих коз. Давай наливай. Пить будем. Говорить будем. Ты же из нас самый здоровый. Помогать нам будешь. Вместе мы со всем справимся.

Его яркие зелёные глаза смотрели на Лёньку так дружелюбно, что он ни от чего не мог отказаться и пристроился на его кровати.

Остальные мужчины подошли к ним, расстелили на тумбочке скатерть, поставили стаканы, вынули фытчины и другие продукты. Из большой тёмной бутылки налили себе в стаканы разбавленного молока, а Лёньке налили молоко из другой бутылки.

– Ну, дорогой ты наш уважаемый больной, поздравляем тэбя за то, что ты появился у нас, и желаем тебэ скорэйшего выздоровления, – мужчины хитро переглянулись между собой и подняли стаканы.

Лёнька тоже поднял свой стакан с козым молоком и выпил его. Оно оказалось очень вкусным и тёплым. Пахло травами и домашним теплом. Лёньке так стало хорошо от того, что все эти дядьки, которых он никогда перед этим не знал и не видел, сидели вместе с ним, держали его на руках, ели с ним один и тот же хлеб и смотрели, как на себе равного.

Между собой они заговорили по-осетински. Лёнька плохо понимал, что они говорят, но в основном они все благодарили Собанова за то, что он их спас и, что они сейчас живы. Они налили себе из тёмной бутылки ещё молока, выпили и уже говорили о своих делах, детях, семьях и открыто восхищались доктором Собановым, что остались живы после последней аварии на шахте.

Лёнька сидел среди них, ел пироги, пил козье молоко и слушал, что говорят эти настоящие мужчины, пережившие смерть.

У них в посёлке мало кто из взрослых говорил по-осетински, но мальчишки, между собой им постоянно пользовались. Волей-неволей, а говорить по-осетински им приходилось. Особенно, когда выясняли отношения между собой в драках или потасовках. Да и в простых ситуациях порой легче что-то прояснить для себя по-осетински. Поэтому здесь в горах осетинский и являлся основным языком общения между всеми ребятами.

Вот и сейчас, когда дядьки обращались к Лёньке по-осетински, то он их понимал и старался отвечать им тоже по-осетински. Плохо с запинками, но старался, чтобы они его понимали. После первых же Лёнькиных слов мужчины удивились и обрадовались, что такой маленький русский мальчишка может говорить и понимать их. Но в дальнейшем, всё равно старались обращаться к Лёньке по-русски.

Мужчины прибрались на тумбочке Азамата и разошлись по своим кроватям. Кто пытался заснуть, а кто потихоньку говорил между собой. Лёнька тоже смотрел в окно. Несколько лет назад он здесь жил с родителями.

Из большого окна палаты он смотрел на свой бывший дом и вспоминал, как родился его брат. Тогда это наделало много шума.

* * *

В тот день Лёньку, как всегда, уложили днём спать. Проснулся он от шума в комнате и, чуть-чуть приоткрыв глаза, наблюдал, что же происходит вокруг.

Из комнаты, где он спал, выносили вещи, и она становилась непривычно пустой. Но в середине её всё ещё оставался стоять большой круглый стол, покрытый новой белой скатертью.

Старую скатерть Лёнька спалил. А спалил он её не нарочно. Она почему-то сама загорелась.

Тогда Лёнька залез под стол с коробком спичек. Было интересно зажечь спичку, поднести её к белой скатерти и ткнуть в неё горячей спичкой. Спичка тухла, а на скатерти оставался тёмный след. Лёньке стало интересно, почему, после тычка спичкой в скатерть она сразу тухнет. Он подолгу разглядывал оставшийся чёрный след и никак не мог этого понять. Тогда он решил подольше подержать спичку у скатерти и посмотреть, что из этого получится.

А получилось всё совсем неожиданно. Скатерть вспыхнула. Лёньке стало страшно, и он так и оставался сидеть под столом. В комнату забежал папа, сдёрнул скатерть со стола и затоптал её ногами. Пламя потухло. Потом папа заглянул под стол и увидел там своего испуганного сына, съёжившегося от страха. Он вытащил из-под стола Лёньку со словами:

– Ах ты дрянь такая. Ах ты, пожарник недоделанный, – и лупил его почём зря.

Мама тоже стояла рядом и, испугавшись от произошедшего пожара, плакала.

Теперь в комнате оставался только круглый стол, накрытый новой белой скатертью.

Вдруг раздались какие-то крики. Толпа людей зашла в комнату. Они громко, возбуждённо говорили и чему-то радовались. Положили что-то на стол и стояли вокруг него, громко переговариваясь, а потом куда-то засобирались и вышли из комнаты.

Лёньке стало интересно, чему это они радовались и что же там лежит на столе.

Он вылез из кровати, подставил к столу табуретку и, взобравшись на неё, заглянул на стол. Там лежал какой-то свёрток. Подтянув его к себе, Лёнька приподнял покрывальце и заглянул во внутрь. Оказалось, что там лежал маленький ребёнок, похожий на куклу из магазина.

Мама говорила Лёньке, что у него скоро появится братик. Что она ходит в больницу и принесёт его оттуда.

Лёнька, увидев ребёнка, невероятно обрадовался. Значит это правда! Она принесла этого ребёнка ему! Она сдержала своё слово!

Перевернув свёрток, он ещё раз посмотрел внутрь. На него смотрело красное, сморщенное маленькое личико. Ребёнок спал.

Это что же получается? Его брат спит, а ему что делать тогда? И Лёнька решил, что ему тоже надо поспать.

Лёнька попытался приподнять свёрток, но для него он оказался очень тяжёлым, но он всё равно стащил его со стола и перенёс к себе на кровать. Там накрыл себя и свёрток одеялом, под которым было тепло и уютно, поэтому вскоре заснул.

Его разбудили крик папы:

– Где мой сын? Вы куда все смотрели? Почему его здесь нет? – мама рыдала и кричала на окружающих её мужчин, что её сын куда-то пропал.

От криков Лёнька проснулся и, выглянув из-под одеяла, с интересом смотрел на взрослых, стараясь понять, о чём они так громко кричат. Но никто не обращал внимания на Лёньку. Он лежал никому не нужный. Все взрослые искали только свёрток, и никто не догадывался, что он лежит с ним под одеялом.

И тут свёрток стал верещать и кричать. Все взрослые вдруг затихли и прислушались откуда идёт это крикание. Первый, кто содрал с Лёньки одеяло – был папа. Возглас облегчения прошёлся по комнате:

– Вот он! Нашёлся!

Свёрток у Лёньки отобрали и все ушли вместе с ним в другую комнату. Оказывается, действительно он никому оказался не нужен. Его все бросили. Им важнее всего оказался этот свёрток с новым братом, а не он.

Лёнька зарылся в подушку головой и слёзы сами струями потекли из глаз. Его худенькие плечики так и содрогались от горестных рыданий. Получается, что его одного оставили в этой большой пустой комнате и бросили на произвол судьбы. Лёньке стало так плохо от ощущения, что он никому не нужен и лежит здесь брошенный на веки-вечные один-одинёшенек.

– Вау – вау – вау, – рыдал Лёнька, и слезы лились у него из глаз чуть ли не потоками.

– Сынок, ты мой, дорогой, – услышал он голос папы. – Ты же у меня самый хороший. Успокойся, мой любимый, – папины тёплые, сильные руки вынули Лёньку из кровати, и папа крепко прижал его к себе.

Тепло папиных сильных рук заставило Лёньку ещё сильнее разрыдаться, и он крепко вцепился в папину шею, продолжая плакать, но понимая, что он всё-таки нужен и очень нужен только своему папе.

А новый брат? Да пусть мама забирает его себе! А папа всегда останется только с ним и никогда не отпустит его из своих рук. Лёнька прильнул к папе, а он, как самую большую драгоценность для себя, не выпускал его из своих могучих рук. Потому что папа у Лёньки

самый сильный, самый лучший, самый смелый. Он всегда всех победит. И никогда не допустит, чтобы кто-нибудь обидел его сына.

А папа, вытирая потоки слёз из Лёнькиных глаз, отнёс его в комнату, где сидела с вынутым из одеяльца братом и кормила его.

Посмотрев на своих мужчин, мама ласково произнесла:

– Как же я вас всех люблю, мужички вы мои дорогие.

* * *

А сейчас Лёнька находился в больнице и смотрел на тот дом, где он когда-то жил. Непроизвольно вспомнилось, как однажды около этого дома его бодал маленький бычок.

Папа из города привёз Лёньке красивый костюмчик красного цвета. Папа с мамой одели Лёньку в него и долго любовались своим сыночком. А он, такой важный и красивый, ходил по дому, щеголяя обновкой, но потом родители переключили своё внимание на другие дела и перестали обращать на Лёньку внимание.

Тогда ему надоело в одиночестве бродить по дому, и он вышел на крыльцо. Вниз от дома простирался огромный луг, заросший высокой травой. Напротив, через маленький ручей, тоже раскинулся луг с красивыми цветами и травой. В ней росло столько много цветов, что Лёньке захотелось их все собрать и принести в подарок маме.

Спустившись вниз по крутому косоугору, он перешёл ручеек по небольшому мостику и начал подниматься к этим красивым цветам, которые разглядывал с крыльца дома.

Но тут дорогу Лёньке преградил бычок с него ростом. Он неожиданно появился из травы, всё ещё пережёвывая травку, и застыл. Наверное, он тоже удивился такой неожиданной встрече. Даже жевать прекратил и, недобро уставившись на Лёньку, замычал.

Лёнька в недоумении тоже остановился и смотрел на бычка. Что ему надо? Никак не мог он понять.

«Я иду за цветами. Ты жуёшь траву. Ну и жуй. У каждого своё дело», – подумалось Лёньке, и он хотел пройти дальше.

Но нет, бычок не пропускал его вперёд. Он пригнул голову и пошёл на Лёньку с мычанием, ударив его лбом и сбив с ног.

Для Лёньки это явилось полной неожиданностью, чтобы какой-то бычок его бодал. Ведь Лёнька такой чистенький. У него новый красный костюмчик. Он хочет маме принести вон тех красивых цветов. А этот бычок не даёт ему пройти к ним, сбивает с ног и пытается дальше бодать. Хотя рогов у бычка ещё не выросло, но лоб у него оказался очень твёрдый. Лёньке даже стало больно от его боданий. Но, он же мужчина!

Под руки ему подвернулась какая-то палка. Схватив её, Лёнька вскочил на ноги и огрел бычка по его твёрдому лбу на что тот промычал что-то обидное и исчез в траве, а Лёнька, не выпуская палку из рук, пошёл к цветам.

Сколько же их здесь росло таких красивых! И синих, и фиолетовых, и розовых, и белых! Насобирав целую охапку такой красоты, Лёнька вернулся к ручью.

А там его уже ждали папа и мама.

– Куда же ты делся? – со слезами кинулась к Лёньке мама.

Но когда увидела в руках сына цветы, то поняла, что их он собирал для неё. Тут она и в самом деле расплакалась от счастья, что сыночек её нашёлся, подхватила его на руки и, омывая слезами, принесла домой.

– Хорошенький ты мой, любименький, – покрывая поцелуями своего сыночка приговаривала она. – Не уходи больше так далеко. Я тебя очень люблю. Никогда больше не делай так, – уговаривала она Лёньку.

А вечером на столе в банке с водой стояли цветы, которые Лёнька принёс маме.

* * *

Всё это Лёнька вспомнил, глядя на посёлок из окна больницы. И дом, и луг, и ручей. Но это было так давно.

А сейчас в палату вошла медсестра с каким-то поддончиком в руке, на котором лежал страшный огромный шприц. При виде его у Лёньки остановилось дыхание и округлились глаза. Одна только мысль о том, что это всё для него, привела его в ужас.

Медсестра, как вершины Казбека, приближалась с громадным шприцом к Лёньке. Предчувствуя невероятное насилие над своей личностью, Лёнька в страхе и с выпученными глазами, пятился от неё. Уткнувшись спиной в свою койку, он понял, что ходу дальше нет и от осознания безвыходности в этой ситуации, слёзы сами собой начали литься из глаз. Но, поняв, что от окружающих он тоже не получит поддержки, Лёнька почти заорал во всю глотку:

– Ой! Спасите! Ой! Помогите!

Но в ответ слышались только уговоры мужчин.

– Ты посмотри. Ты только послушай. Нам же тоже делают уколы. Мы же нэ плачем. Зачём плачешь? Фатима просто хочет твоего здоровья. Ложись. Это только один сэкунда. А потом будет только здоровье. Потэрпи немножко. Ты же мужчина, – только и приговаривали они.

Несколько, по-настоящему ласковых, но сильных мужских рук, уложили Лёньку на кровать, перевернули и оголили попку. Он бы и в самом деле заорал от совершаемого насилия, но от укола не почувствовал никакой боли. Только небольшое неприятное ощущение на попе.

Все, окружающие его мужчины, рассмеялись:

– Ну что? Больно? Видишь, ничего же не случилось. Ты же стал от этого только здоровее.

Да ведь и правда! Ничего же не случилось. Он так же лежал. Вокруг те же самые мужчины. Все они довольны и улыбаются. И, даже Фатима, уже не казалась страшной белой горой. Она, понимая первоначальный испуг мальчика, даже дала ему пососать из ампулы очень вкусную и сладкую водичку.

Поднявшись с кровати и подтянув пижамку, Лёнька уселся и посмотрел на окружающих его улыбающихся мужчин. Какие же все они хорошие! Он их всех любил. Каждый из них, несмотря на раны и увечья старался сделать ему добро и то, что это добро шло от них, Лёнька чувствовал. От этого ему стало легко. Он улыбнулся и вытер слёзы. Кто-то взял его на руки. От этого ему стало невероятно хорошо, даже несмотря на то, что рядом нет ни папы, ни мамы.

Уколы пришлось делать каждые шесть часов. Второй укол Лёнька пережил намного легче, а остальные почти не замечал. Даже ночью, когда медсестра переворачивала его с боку на бок, он только чуть ойкал и опять засыпал.

Папа приезжал к Лёньке почти каждый день. И поэтому неделя, проведённая в больнице, показалась ему праздником, по сравнению с нудными днями в школе.

Собанов, во время прощания, потрепал Лёньку по жёсткому ёжику на голове, и усмехнувшись пожелал:

– Ты уж, пожалуйста, Лёнька, не какой так жидко и больше не чешись. А то придётся тебя ещё больше здесь подержать, – хотя от предложения продлить срок пребывания в больнице, Лёнька бы не отказался.

* * *

Это Собанов вспомнил случай из тех времён, когда Лёнька с родителями ещё жил в Верхнем Згиде.

Собанов возвращался после ночного дежурства и увидел Лёньку, стоящего на косогоре. Настроение у Собанова было хорошее и он приветливо крикнул Лёньке:

– Привет, Лёнька! Как дела?

А тот, не меняя позы, трагически поведал:

– Пвохо.

– А что такое? Что с тобой случилось? – Сабанов, услышав трагизм в ответе грустного мальчишки, даже остановился.

Лёнька, не меняя тона, честно ответил на поставленный вопрос:

– Жидко какаю.

Собанов, едва сдерживая смех, успокоил его:

– Ничего. Это дело поправимое. Ты только слушайся маму. Она тебя обязательно вылечит.

С тех пор они с папой иногда вспоминали Лёнькину «болезнь».

* * *

– А что, можно и больше? – Лёнька видел в окне раненых горняков, смотревших на него и на его прощание с больницей. Они о чём-то говорили между собой. Но их разговора Лёнька не слышал. Ему так захотелось остаться вместе с ними, что он вырвался из рук Собанова и папы и бросился назад – в больницу. К мужчинам, которые стали ему ближе, чем родные. Они стали для Лёньки всем за эту последнюю неделю. Он бросил всё и кинулся к ним. И маленький мальчишка, прорвав все заграждения взрослых рук, прыгнул в руки тех, кто поддерживал его в минуты горьких слёз, радостей и улыбок.

Он оказался у них на руках. Они его обнимали, тормошили непослушные, жёсткие вихры. Они, настоящие мужчины гор, дарили Лёньке тепло своими жёсткими рабочими руками.

Папа с Собановым молча с улыбкой наблюдали за этим прощанием.

Потом мужчины передали Лёньку на руки папе, а Азамат обратился к нему:

– Береги своего сына. Со временем из него вырастет настоящий мужчина. Я бы хотел, чтобы и у меня был такой же сын. Но тебе повезло больше. Пусть он будет здоровый. Пусть у него в жизни всё будет хорошо.

Папа, наверное, не ожидал такого от простых горняков. Он пожал им руки и, приподняв столь бесценный для себя груз сильными руками, отнёс к машине, покотившейся вниз. В Мизур.

В классе Лёнька, конечно, сразу почувствовал себя героем. Все его спрашивали о трудностях в больнице. И Лёнька, конечно, всем пересказывал о невероятных, перенесённых там страданиях и мучениях. Он даже показывал на переменах пацанам следы от уколов на попе.

Даже Прасковья Антоновна посоветовала ему особо не бегать после такого интенсивного лечения. Что Лёнька и делал.

После каждого звонка весь класс выбегал на улицу с криками и воплями, а Лёнька, стараясь хромать, деланно медленно вылезал из-за парты и также очень медленно проходил во двор, где, стоя у стены, съедал бутерброд, которым тётя Глаша обычно снабжала его в школу. Или просто смотрел на бегущих ребят. Даже Женька не понимала, что с ним происходит. Она, как всегда, участливо поинтересовалась:

– А у тебя сейчас чего-нибудь болит? А гулять ты после школы выйдешь?

Но Лёнька, делая болезненный вид, вяло отвечал на все её вопросы.

Ляжкин, тот вообще к Лёньке не подходил. У него свои интересы.

Прасковья Антоновна, ввиду Лёнькиного болезненного состояния, к доске его не вызывала, заданий не задавала и вообще, не трогала его, несмотря на то что Лёнька сидел перед ней на первой парте. Женька сидела тоже довольная. Её тоже не вызывали к доске, потому что если бы её вызвали, то Лёньке пришлось бы встать, а Прасковья Антоновна не хотела тревожить такого больного ученика.

До дома Лёнька добирался хромая. И все соседи видели, насколько болезненными оказались уколы в больнице. Но дома всё становилось, так как надо. Братья у Лёньки ходили, как шёлковые. Если что, то кулак под дых каждому обеспечен, и у Лёньки появилась масса времени почитать книги, недавно купленные папой. Но когда приходила с работы мама, то у него опять начинали болеть ноги после уколов и ему делали компрессы на попу, чтобы сошли шишки после этих таких болезненных уколов.

Теперь утром Лёньке не приходилось торопиться к первому уроку.

Мама кормила мальчишек и убегала на работу. С Вовкой и Андрюшкой оставалась тётя Глаша, провожавшая Лёньку в школу. Ведь он же очень больной!

Но едва Лёнька отходил, хромая от дома, как за углом вся его болезнь пропадала. Он бегом возвращался в тутовый сад. С собой он брал рогатку и устраивал охоту на воробьёв. Подходящие камни он после школы собирал на берегу Бадки. Иногда удавалось попасть в одного или двух. Их тельца Лёнька складывал в карман и потом кормил ими школьного Джульбарса. Тот всегда оставался довольным и благодарным Лёньке за это. И, если он к кочегарке никого не допускал, то Лёньке всегда радовался.

Лёнька частенько заходил в кочегарку в отсутствии Геора и подкидывал несколько лопат угля в топку. А потом смотрел, как там начинает гореть уголь. Джульбарс же лежал у входа в кочегарку и никого туда не пускал. Только после того, как пламя в топке прогорало, Лёнька уходил оттуда, а Джульбарс провожал его до входа в школу.

После всех этих важных дел Лёнька приходил на второй урок и, вновь хромая, заходил в класс.

Прасковья Антоновна всегда спрашивала его:

– Что опять укол сделали? – и Лёнька с томным видом подтверждал её догадки.

– Да, папа возил меня на укол в больницу, а сам только что уехал на работу.

Прасковья Антоновна после его объяснений тяжело вздыхала.

– Ах, как жаль, что мы не смогли с ним повидаться. Мне у него надо очень много расспросить о твоём здоровье, – что уж тут поделаешь с сыном начальника, говорил весь её горестный вид.

Но, как всегда, если у чего-то есть начало, то у него всегда будет и конец. О чём Лёньке в то время было невдомёк.

И это вскоре произошло.

В тутовый садик, где мама с Лёнькой и братьями гуляли, вошла Прасковья Антоновна.

Мама родная! В Лёнькиной душе всё тысячу раз перевернулось и сжалось при виде своей учительницы. Что сейчас будет?!

Мама, увидев Прасковью Антоновну с радостной улыбкой пошла ей навстречу, а та, в свою очередь, не отказала ей в любезности, протянув руки для приветствия.

Поздоровавшись, они мирно уселись на скамейке и начали любезно беседовать. Вокруг них бегали Андрюшка с Вовкой и кругами ходил Свисток.

Свисток – это сынок училки. У него не работает правая рука после полиомиелита. От остальных пацанов он отличался тем, что с самого детского садика старался делать Лёньке всяческие пакости и теперь назревала ещё одна.

Лёнька чувствовал это всеми фибрами своей души. От этого почему-то чесался зад и на макушке вставали дыбом волосы.

Из-за кустов он наблюдал за выражением маминого лица. Оно из радостного постепенно стало переходить в озабоченное. Потом мама стала что-то энергично жестикулировать, поднялась со скамейки и позвала:

– Дети, домой. Лёня, ты где? Иди сюда. Быстро домой, – уже грозно слышался её голос.

Лёнька вылез из кустов, подошёл к маме, прижался к ней и увидел ехидный взгляд Свистка, говоривший: «Сейчас тебе будет»!

И в самом деле. Лёньке было.

Болезнь с попы перешла в реально ощутимые воздействия, от которых он сначала извивался в маминых руках, а позднее, когда пришёл с работы папа, то и в его.

Сколько слов Лёнька выслушал о своём недостойном поведении и лжи. О! Если бы он их запомнил, то записал их и из них получился бы большущий словарь.

А тогда Лёнька думал лишь об одном: «Будут продолжать лупить или нет?»

У папы рука сильная. Лупил он врунишку от души, несмотря на предварительно проведенную душещипательную профилактическую беседу. Ох и орал же Лёнька! Но это больше для виду. Особой боли он не прочувствовал. Это он орал для того, чтобы разжалобить материнское сердце. А мама его и пожалела. Вырвала орущего сыночка у папы из рук, прижала к себе, унесла в кровать и всё приговаривала:

– Ты же не будешь так больше? Ты же у меня самый лучший? Солнышко золотое моё, ну успокойся, спи.

И в таких ласковых и тёплых руках мамы Лёнька заснул.

А утром, когда он без опоздания, почти самый первый влетел в класс, Свисток ехидно со своей парты прошептал:

– Ну, что. Досталось? Так тебе и надо, больной.

* * *

Леонид Владимирович и сейчас иногда болеет, но всегда возникает вопрос. А стоит ли так сильно изображать болезнь?

Если болезнь не так серьёзна и можно, взяв себя в руки, перенести её, то, наверное, это стало результатом той папиной взбучки, навсегда отбившей охоту к симуляции. А такой взбучки уже никогда больше не будет, потому что папы нет. А так бы иногда хотелось услышать грозный папин голос, которым он учил своего сына премудростям жизни.

Ну, а если Леонид Владимирович и в самом деле заболевает, то так бы ему хотелось ощутить тепло маминых рук, которые он до сих пор помнит.

Иногда во сне они к нему приходят эти тёплые и нежные мамины руки, хотя мамы давно уже с ним нет и рук этих тоже никогда больше не будет.

Как же их не хватает и не будет хватать ему, пока у него самого навек не закроются глаза.

Октябрь 2013 г. Владивосток

Кислота

Черёмин класс сегодня по каким-то причинам задержали, и Лёнька стоял на выходе из школы, чтобы не пропустить своего друга.

Он знал, что Черёма не выйдет через заднее крыльцо, потому что через него в это время опасно выходить, из-за играющих во дворе пацанов из интерната. Там можно запросто нарваться на неприятности, обычно заканчивающихся дракой.

Поэтому они всегда использовали для выхода парадный вход и старались вываливаться из него гурьбой, чтобы никто из интернатских к ним не пристал.

Но сегодня у выхода из парадных дверей школы Лёнька стоял один. Ребята из его класса давно разбежались по домам.

Наконец-то мальчишки и девчонки из Черёминого класса начали выбегать из дверей.

Вот и Черёма.

– Вовка! – окликнул его Лёнька.

Увидев своего друга, Черёма обрадовался. Ему не хотелось идти одному домой, а вдвоём интереснее и веселее.

– Привет! – радостно засияли его глаза, как будто две перемены назад они не гоняли вместе в школьном дворе. – Чего ждёшь? Или скучно идти одному домой? – между делом поинтересовался Черёма.

– Нет. Не скучно, – загадочно посмотрел на него Лёнька и таинственно прошептал. – Дело есть.

– Чё за дело? Опять лупить потом будут? – с опаской посмотрел на вечно что-нибудь придумывающего друга Черёма.

– Да не бзди ты горохом, – веско растягивая слова, успокоил его Лёнька. – Просто после школы переодевайся и пойдём в одно интересное место. Я вчера там был и одному мне там не справиться. Твоя помощь нужна, – Лёнька обнял Вовку за плечи и заглянул ему в глаза, надеясь на поддержку.

– Ага. Так и нужна, – всё так же настороженно смотрел на него Черёма.

Он всё ещё не верил в Лёнькины благие намерения, но, почесав затылок, согласился:

– Ладно. Рассказывай.

Лёнька вздохнул и принялся рассказывать ему о перспективе сегодняшнего похода.

– Ты знаешь сарай у задних ворот фабрики? – как бы исподволь, поинтересовался он.

Вовка, подумав, нехотя ответил:

– Ну. Знаю.

Ещё бы он не знал его. Этот сарай давно манил их своей загадочностью, потому что двери его всегда держались закрытыми на громадный замок, узкие окошки затянуты колючей проволокой и ночью на него всегда светил огромный прожектор. Сколько раз мальчишки подбирались к нему, чтобы заглянуть вовнутрь через щели в дощатых стенах, но внутри ничего не увидели. И это ещё больше раззадоривало их.

– Вчера я там был вечером, – заговорческим шёпотом пытался объяснить Черёме Лёнька. – Одна доска на задней стенке отошла и можно туда залезть. Но одному мне не отогнуть её. Силы маловато, – пожав плечами, пояснил Лёнька, но тут же оправдался: – Но я притащил туда трубу. Вместе мы отогнём эту доску. Да и внутри темно. Надо, чтобы кто-нибудь светил фонарём. Ведь там такая темень, как в пещере Алладина, – Лёнька остановился и загадочно посмотрел Вовке в глаза.

– Нет! Я туда не полезу, – начал отказываться Черёма. – А если поймают? Что тогда будет? Опять лупить будут? Нет, я этого не хочу, – уверенно подытожил он свои доводы.

Мальчишки уже подошли к дому Черёмы. Пришла пора прощаться, но Лёньке так хотелось залезть в этот таинственный сарай и узнать, что же там такое секретное хранится. И тогда он привёл последний аргумент:

– Друг ещё называется, – обиженно пробурчал Лёнька, отворачиваясь, и добавил: – Вон Том Соьер со своим другом не расставался, и они клад нашли.

О приключениях Тома Соьера и его друга Гекельберри Финна они читали взахлёб и им тоже очень хотелось найти клад и стать знаменитыми пацанами. Они так об этом мечтали!

– А вдруг в этом сарае абреки спрятали клад? И если мы его найдём, то отдадим его в школу и о нас напишут в газете, – не сдавался Лёнька.

И этот последний аргумент полностью сломил сопротивление Черёмы.

– Ладно. Вот покушаю и тогда выйду, – нехотя согласился он, тут же добавив: – Без этого меня из дома не выпустят, ты же знаешь.

Лёнька радовался, что его мечта сегодня может осуществиться.

Черёма пошёл домой, а Лёнька взлетел на второй этаж своего дома, закинул портфель в угол и заглянул на кухню. Нашёл пару бутербродов, съел их, запил молоком и начал собираться в поход за кладом.

Поменял батарейку в фонаре, а то после недавнего путешествия по подвалам их дома, он светил слабовато. Эти батарейки всегда продавались в хозяйственном магазине, но не всегда получалось сэкономить деньги на их покупку. Но вчера Лёнька перетерпел искушение купить пирожки в буфете школы и взамен их купил новую батарейку.

Фонарь светил хорошо. Лёнька проверил его в темноте ванной комнаты. Луч бил прямо и сильно. Лёнька отрегулировал точку и остался доволен своим сокровищем. Этот китайский фонарик папа привёз ему недавно из Москвы.

Требовалось ещё взять складной нож, подаренный папой, небольшой моток проволоки и верёвку. Это на всякий случай. А вдруг придётся спастись. Тогда без них совсем придётся плохо. И, конечно же, спички. У настоящих путешественников всегда с собой должны быть спички. Лёнька завернул их в кальку и перевязал резинкой. Это на случай дождя во время предстоящего путешествия.

Всё это богатство он рассовал по карманам, оделся и выбежал из дома.

Вовка жил в таком же соседнем доме, но только их квартира являлась зеркальным отображением Лёнькиной. Поднявшись на второй этаж, он едва дотянулся до звонка и позвонил.

Дверь, как всегда, открыл Юрка. Вовкин старший брат. Юрка сверху вниз презрительно посмотрел на Лёньку и крикнул вглубь квартиры:

– Вовка! Иди! К тебе Макарон припёрся, – и впустил Лёньку в коридор.

Вовка сразу же выбежал из своей комнаты.

– Заходи, – торопливым шёпотом встретил он друга. – Я сейчас, – видно, он тоже нешуточно собирался.

Вскоре они вышли из дома и направились к задним воротам фабрики.

Огромный серый сарай возвышался возле них. Он, как бы, составлял часть забора и являлся продолжением ворот.

Мальчишки осторожно огляделись перед подходом к этой громадине и осторожно прокрались к задней стенке сарая. По всей видимости, недавно кто-то ремонтировал забор и, когда прибавал колючую проволоку на соединении сарая с забором, то повредил одну из досок сарая.

Это только вчера обнаружил Лёнька. Доска немного отошла от общей стенки и за ней зияла щель. Но щель оказалась мала, чтобы в неё пролезть. Поэтому вчера Лёнька притащил

кусок трубы, чтобы расширить её, но силы у него одного не хватило, чтобы отогнуть отошедшую доску. Поэтому Лёнька привлёк для этой операции Вовку.

Притаившись у задней стенке сарая, они заглянули в щель. Внутри стояла зловещая темнота. Даже фонарь не пробивал её. Это предвещало то, что внутри сарая обязательно должен находиться клад.

– Давай, возьмём трубу, просунем её в щель, надавим вдвоём и увеличим щель. Этого нам хватит, чтобы пролезть вовнутрь, – предложил Лёнька.

Сейчас Вовка соглашался со всеми предложениями. Его уже увлекла жажда путешествий и открытий.

Мальчишки просунули трубу в щель, навалились на неё, и доска с противным скрипом сдвинулась с места.

Теперь щель оказалась настолько большой, что в неё можно пролезть двум худеньким пацанам, что они и сделали. Конечно, они не ящерицы, свободно проникающие в самые узкие щели, но в образовавшееся отверстие пролезли без труда. И даже нигде не зацепились ни за какие углы и гвозди и не порвали ни брюки, ни куртки.

Внутри стояла кромешная темень. Воздух жаркий и спёртый. И абсолютная тишина. Даже шум фабрики не проникал сюда. Это ещё больше подчёркивало таинственность проникновения в сарай. Пришлось сразу включить фонарики.

В свете их лучей мальчишки разглядели несколько рядов каких-то ящиков, поставленных вплотную к стенам. Проползти вперёд не получилось. Пришлось взобраться на самый верх этой пирамиды из ящиков по самим ящикам.

Паутина противно липла к лицу и рукам, но мальчишки, цепляясь за края ящиков и вставляя пальцы в щели между ними, взобрались на самый верх и сверху этой пирамиды осветили сарай.

Вдоль всех стенок стояли стопки картонных ящиков с жёлтыми или красными этикетками. Вниз мальчишки спуститься не решились. Высоко.

Лёнька попытался это сделать, но один из ящиков, за который он держался, зашатался и рухнул вниз. В абсолютнейшей тишине раздался страшный грохот.

Это показалось незадачливым кладоискателям страшнее грома в грозу или грохота взрыва, когда буровики взрывали породу в штольнях.

Мальчишки замерли от страха и сидели наверху ни живы, ни мертвы. Не дай бог, если бы кто-нибудь услышал этот грохот. Но грохот стих. Они подождали ещё некоторое время, притаившись на вершине пирамиды из ящиков, но никто не появлялся. Вокруг сарая стояла прежняя тишина. Значит, никто их не услышал, и они решили продолжить дальнейшие исследования.

Мальчишки сидели, затаившись в наступившей тишине. От страха у Лёньки тряслись колени. Да ещё снизу началось раздаваться какое-то странное шипение. Как будто там проснулось тысяча змей.

Лёнька посветил вниз фонарём. По полу сарая разливалось какая-то жидкость из разбившихся ящиков, начавшая пениться. Это уже становилось интересным. Дрожь от первого страха прошла и Лёньку начало разбирать любопытство.

Он вытащил нож и, надрезав крышку одного из ящиков, посветил во внутрь, а там разглядел какие-то серебряные цилиндры.

– Смотри. Серебро. Это что? Клад? – завороченно прошептал Черёма.

– Сейчас посмотрим, что это за клад такой, – как бывалый кладоискатель хмыкнул Лёнька. Вытащив один из серебряных цилиндров из ящика, он встряхнул его. Внутри что-то

булькало. Странно. Наверное, это булькала та жидкость, что разливалась по полу. Тогда Лёнька размахнулся и швырнул цилиндр вниз.

Стекло цилиндра с грохотом раскололось, и из него потекла какая-то маслянистая жидкость. Вовка светил вниз и наблюдал, как она со зловещим шипением расплзается по полу.

Он тоже вспорол другой ящик и вытащил оттуда такой же цилиндр. Размахнулся и тоже швырнул его вниз. Цилиндр раскололся, и из него тоже потекла та же жидкость. Когда жидкости встретились, то, к удивлению вошедших в раж мальчишек, они стали пениться.

Вот это да! Вот это здорово! Мальчишки совсем осмелели и начали швырять серебряные цилиндры вниз один за другим, толкать ящики ногами, чтобы они падали вниз.

Вокруг стоял только звон разбитого стекла и шипение разлившихся жидкостей. Весь пол покрылся пеной. Ребят обуял азарт. Хотелось, чтобы пены становилось больше и больше. Но тут Вовка чего-то закашлялся, да и у Лёньки стало першить в горле и слезиться в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.